

ВЛАДИМИР И АЛЕКСАНДР
СТАРИКОВЫ

Иоланта — Принцесса Марса

Владимир и Александр Стариковы Иоланта – Принцесса Марса

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43314152
ISBN 9785005016003*

Аннотация

Летающий Танк, или Иоланта – Принцесса Марса – это потрясающая всякое воображение повесть, которая заставила меня и плакать, и смеяться, и радоваться, и грустить, вдохновляться и парить на крыльях фантазии и реальности. Это произведение объединяет в себя множество сюжетных линий – и любовь, и драму, и комедию, и приключения. Самое важное в этой книге – это то, что она написана на основе реальных событий, происходивших в конце двадцатого века и продолжающихся по сей день. Дорогой читатель, в путь

Содержание

И О Л А Н Т А – П Р И Н Ц Е С С А М А Р С А.

5

Конец ознакомительного фрагмента.

77

Иоланта – Принцесса Марса

**Владимир и
Александр Стариковы**

© Владимир и Александр Стариковы, 2019

ISBN 978-5-0050-1600-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И О Л А Н Т А – П Р И Н Ц Е С С А М А Р С А.

Раннее, чуть розовое утро. Я в пилотской кабине своего боевого Ила (Ил – 2), сижу, вытянув ноги к педалям, на жёстком парашюте и ёрзая, поправляю упрямые парашютные лямки и привязные ремни своего командирского кресла. Тускло поблёскивают мерцающим светом стёкла пилотажных приборов, пуская блики от восходящего солнца, мне прямо в глаза. Я шурюсь, чертыхаюсь, но ничего не поделаешь – вынужден сидеть в кабине, в боеготовности №1. Боеготовность №1, это когда сидишь на земле в кабине тесной, с полным боекомплектom, и жди ракету на вылет. Перевожу заспанный взгляд на верхнюю полусферу – облачность баллов восемь, не меньше, кучево-дождевая. Это значит, что на высоте 700 метров, опять «*блудить*» придётся в поисках ориентиров, видимых через разрывы и «окна» в облаках. Местность на нашем «театре» болевых действий – ужасная для самолётовождения. На полётной карте сплошные мари и хмурые леса, причём дремучие – Тамбовские, и ни одного линейного ориентира практически, одни высотки сопok нас и спасают. А я ведь пилот – «все-погодник» и «ночник» вдобавок, значит, обязан летать без штурмана при любой погоде, – «будь она неладна». Капли утренней росы срываются

с открытого фонаря моей бронированной кабины и изумрудными каплями капают на мой планшет, как девичьи слёзы перед разлукой. Наш техник самолёта Толик, суется с баллоном сжатого воздуха, силясь поставить его на попа, дался ему этот воздух. А вот у нас сегодня воздух омерзительный, как бы дождь с грозой не посыпал, а тут ещё фрицы прорвались. Сзади слышу стук в бронестекло, медленно, очень медленно поворачиваю голову, интуитивно зная, что меня ожидает. – *Что тебе?* – спрашиваю своего борт-стрелка Сергея «Скоморохова» (на эту кличку Сергей иногда отзывается), когда я жутко зол и кричу в эфир команды. Почти угадываю, по его беззвучно шевелящимся губам, чем слышу его голос, на голове ведь шлемофон с шёлковым подшлемником; если по «СПУ», то слышно в наушниках, а так как глухонемые. Глаза у Сергея выпукло блестят как у акулы, каким-то фосфорическим светом, сквозь жёлтое бронестекло. Кивнул ему, что понял, и ухмыльнулся сам себе весёлому каламбуру: «Борт-стрелок, постоянно «стреляет» офицерские папиросы у своего командира». Делать нечего, кричу Толику: – *Младший техник Потехин ко мне!* Улыбаюсь про себя, видя, как зашевелились беззлобно его губы от порывистого мата. Конечно, только, только удалось поставить баллон сжатого воздуха на «попа», а тут командир экипажа требует забираться на крыло, и это с его плотной комплекцией, но делать нечего. Младший техник – лейтенант, осторожно опускает баллон на землю и по «рачы» заползает на центроплан к моей каби-

не. Круглое его лицо как всегда испачканное сажей, наклоняется ко мне. Я протягиваю ему две страшно дефицитные папиросы «Казбек» и жестом даю понять, что бы он, одну папиросу передал «вечному» стрелку, а другую может выкурить сам. Дело сделано, я тоже закуриваю, пуская голубой дымок в рукав лётной куртки. Курить в самолёте и даже на стоянке категорически запрещено, но мы-то знаем, что если Толик разрешил, значит – можно, – самолёт заправлен ещё с вечера, а в боевом вылете нам такие «зажигалки» прилетают от фрицев, что наш огонёк папиросы, – безобидный светлячок. А ты сам попробуй, посиди в кабине да без курева, да ещё привязанный как младенец в пелёнке, пару часов, а потом в полёт, тут и голова закружится, и ничего не соображаешь! Над циферблатом авиационных часов «АЧХО», на меня улыбаясь, смотрит молодое девичье лицо, моей фронтовой подруги, – парашюто-укладчицы Тони. Её фотографию я обычно ношу в кармане у сердца, а в полёте на приборной доске над циферблатом часов – эта фотография мой оберег и талисман, на все случаи жизни, и она всегда оберегает меня от фашистских снарядов – двадцати миллиметровых «эрликонов»! Что такое? Не дали докурить – грязно ругаюсь я про себя! С вышки «КП» (командного пункта), взлетает зелёная ракета, и с шипением описав пологую дугу, догорает на излёте. Это есть боевая команда на взлёт дежурному звену – «все-погоднику», то есть мне Алексею Обручеву, 1920-го года рождения! – *От винта!* – грозно кричу я, срываю-

щимся от волнения голосом. Пошло наше время, что оно принесёт нам победу или смерть – пока неизвестно. Энергично закачиваю ручным пусковым насосом «ПМ – 1», бензин и открываю воздушный кран запуска. С шипением топливо-воздушная смесь устремляется в головки цилиндров моего мощного мотора. Лопастى винта уже свистят, рассекая воздух. Включаю зажигание, и мотор обрадованно фыркнув и обдав нагло мою кабину липким сизым дымом, прокашливаясь, заработал на малом газе. Команда на экстренный взлёт, но необходимо прежде выполнить таинственный ритуал прогрева мотора до нужной температуры. Закрываю заслонку маслорадиатора, не простую заслонку, а бронированную, у меня ведь не просто самолёт, а воздушный танк, который немцы обозвали унижительным словом «железо-бетонный». Пора на взлёт, запрашиваю нарочно лениво, руководителя полётов по радиостанции, левой ладонью прижимая к горлу ларингофоны, что бы лучше было слышно: – *«Факел, факел, я свеча раз! К взлёту готов, разрешите занять исполнительный»*. В наушниках слышу спокойный голос Бати: – *«Свеча – раз, я факел, разрешаю исполнительный»*. – *«Факел! – я свеча – раз, вас понял, занимаю исполнительный»* – отвечаю. Рядом, слева и справа, в некотором отдалении, вращались винты двух илов моего звена, от них в эфир скороговоркой, сленгом и кодом, полетели запросы на вырубание «свечей» два и три. – *«Ну что сталинские соколы в полёт»*, беззвучно шепчут мои губы и левой рукой я пере-

двинул вперёд сектор газа, вначале до упора, одновременно отпуская красную скобу тормозов и прижимая ручку управления к себе до упора, что называется до «пуна». – «Поехали»! выдаю в эфир весёлую команду код и прибираю к себе сектор газа, что бы ИЛ бежал весело, но не очень быстро. Три Ила по-вороньи переваливаясь с крыла на крыло, порулили на старт. Пока рулили, рывком захлопнул фонарь кабины и бережно спрятал фотографию Тони в карман лётной куртки. Вновь в эфир полетели команды: – «Я свеча – раз, на исполнительном, – разрешите взлёт»! В ответ Батя рявкнул – сердито: – «Свечи, проверьте рули и закрылки, взлёт полсотня два, всем свечам разрешаю». – «Вас понял – «Свечи взлетаем»!

Рёв трёх авиационных моторов, на взлётном режиме разбудил всю округу. Тормоза со стоном удерживали рвущихся в небо зверей. Моя рука уже затянутая в чёрную кожаную перчатку, отпустила скобу тормозов и три боевых Ила понеслись ускоряясь, по взлётной полосе навстречу небу. Скорость принятия решения, отдаю ручку управления вперёд как учили, хвостовое колесо послушно оторвалось от земли, теперь на себя – тяну штурвальную колонку. Последний вздох шасси и машина в воздухе. Левая рука убирает и контрит шасси, плавно убираю закрылки. – «Свеча раз – взлёт завершил, разрешите на курс» – запрашиваю КП. Вышка выдохнула нетерпеливо: – «Взлёт зафиксировал, разрешаю на курс – 252, связь по направлению с «Беркутом» – до-

ложите». — «Факел вас понял!»! — доложу обязательно» — весело кричу в ответ. («Беркут — 1», это станция наведения). За мной выстроились в косой пеленг, как стая гусей, — мои ведомые. Рывками перемещаясь, вверх и вниз, Илы шли в пологом наборе, ложась на курс — 252. Внизу до самого горизонта медленно проплывает голубая тайга, ни единого характерного ориентира, кроме сумрачного солнца и магнитного компаса «КИ — 13» (называли же, конструктора, как специально, таким мерзким номером — 13). Девиацию «компасу» никто и не думал настраивать, магнитный курс показывает, какой сам захочет, — по своему настроению. Кругом просто зелёное море тайги и кучерявые тучки у самой кромки горизонта. Мы забрались на 700 метров, под самую, самую облачность, что бы в случае чего нырнуть в спасительную мглу. До рези в глазах осматриваю горизонт на все 360 градусов, хорошо, что не забыл одеть ослепительно-белый шёлковый шарфик, он спасает мою шею от кровавых мозолей. Голова непрерывно совершает свой поиск врага. Взгляд в даль на бесконечность, и поиск точек — точек пока нет. Основное правило, увидел точку — принял решение! Если увидел самолёт в виде крестика, то считай уже покойник! «Беркут — 1» отозвался сразу и забубнил кодом координаты цели. Цель колонна фрицев, курсом 300, удаление 42 и всё! Как положено, доложил на КП, что связь по направлению имею. Теперь радиомолчание до самой цели, такая у нас работа у воздушных работников войны! Теперь мне

нужен точный расчёт времени, поправок на ветер, поправок на магнитное склонение, девиацию и прочее, что выполняет моя голова – командира звена. Остальные Илы – звеньевые, послушно идут в пеленге, полностью рассчитывая, что командир всё знает, всё понимает и точно выведет на цель. Одно меня печалит, что на ПО – 2 (кукурузнике), па штату положен штурман, для «ночных бабочек», которых фрицы суеверно обозвали «ночными ведьмами», а вот нам бронетанковым Илам – не положено?! До цели осталось 7 минут, если я правильно всё рассчитал, полётные очки «бабочка», закрывают мои глаза, иначе посечёт «мухами», – мельчайшей пылью витающей в кабине от перегрузок и зенитных снарядов которые высекают микро-осколки, разрываясь где-то рядом от Ила. Эти очки хоть и ограничивают обзор, но зато глаза защищают исправно, как каска. Командир звена – то есть я, в очередной раз интуитивно нашёл цель в виде спичечных коробочек с крестами, которые казалось, неподвижно замерли,

на тоненькой ниточке просёлочной дороги, но они нас пока не видят, я завожу своих птенцов со стороны Солнца, прячась в дымке. Рявкаю в эфир – команду: – *«Свечам, атака с ходу, высота: 200, 300, 400, интервалом 5 секунд»*. Тихо по СПУ (самолётное переговорное устройство), даю команду стрелку – Сергею: – *«Серж не стреляй пока, побереги патроны для „худых“, этих я сам раскурочу»*. В наушниках утвердительный вздох огорчения: – *«Вот так всегда! Как*

что-то хорошее, так командир и зачем я с тобой только летаю»? – «*К-о-н-ц-е-в-ой, разговоры – учишь штурманскому делу»!* – процедил я сквозь зубы. – «*Понял, отдыхаю и наблюдаю»!* – «*Вот и наблюдай и блюди воздух»!* – «*Атака, атака*» – кричу я в эфир, и машина в пологом пике заходит с креном (поправка на ветер), на «*боевой курс*». Сброс, я плавно утопил кнопку бомбодержателя, высота 200 метров (промазать мне невозможно), бомбы пошли, теперь главное, что бы меня, не достали свои же осколки, моих же бомб, «*свечи*» – два и три чуть повыше на 300 и 400 метрах с разрывом в пять секунд. Немного подбросило хвост, это рванули мои бомбы, Уф – пронесло, зато ювелирно точно, и я с остервенением давлю на гашетки курсовых пушек и пулемётов, поливаю колонну огненным дождём, высота 50 метров, вижу лица, их расширенные от ужаса глаза. Не ожидали? А мы уже здесь и вам хана! Всем хана! Отворот, на челночный заход, теперь в обратном порядке пройдем всю колонну с носа до хвоста. Колонна уже всю пылает, зенитного заграждения пока нет и это прекрасно, значит – будем жить! Выпускаю почти все снаряды из курсового оружия. Мне сверху всё кажется буднично, и совсем не страшно, а внизу от нашей ювелирной работы развивается настоящий АД! Рвутся снаряды, горят машины, взрываются боеприпасы и бензобаки, солдаты и офицеры мечутся как муравьи у развороченного муравейника и весь ужас этой картины заключается в том, что это страшное событие происходит абсолютно

беззвучно, для нас конечно. Кровь и смерть это там, внизу, среди звенящей тишины. Всё конец работе, выполняю горку до 500 метров и ложусь на обратный курс. Оглядываюсь; сзади изрядно чадя чёрным дымом, полыхала огнём потрепанная колонна немецких танков и «БТРов», мои ведомые целы и на месте, значит без потерь. Теперь можно и домой, пообедать! Доворачиваю машину на курс 120 градусов, дым от пожарища даёт мне поправку на боковой ветер (отметило сознание), и ввожу поправку уже интуитивно. Вот и кромка спасительных облаков. Но что это? Тупой удар как будто кувалдой с размаху по фезюляжу – откуда? Мотор истошно заревел, выходя на запредельные обороты. Взгляд на приборную доску и не верю глазам, скорость стремительно падает до 100 км/час, высотомер бешено завращался влево – это потеря высоты! Лобовое стекло окрасилось в розовый цвет. Высота уже 400 метров и продолжает падать, а главное ничего не видно, самолётик авиагоризонта крутится и раскачивается как в калейдоскопе. Что случилось – зенитный снаряд? Но где тяга двигателя? Даю вперёд до упора сектор газа, взлётный режим, и затягиваю винт – снижая обороты, всё работает, но где скорость? Тангаж по авиагоризонту отрицательный. Ага, наверное, залепило трубку указателя скорости – «ПВД» (приёмника воздушного давления), или его вообще оторвало? Отдаю штурвальную колонку от себя, что бы – не сорваться в штопор, балансирую крен и тангаж по прибору, – авиагоризонту, земли не видно, всё в розовом

тумане. Кажется, машину кто-то держит – за стабилизатор! Кричу в эфир: – *«Я свеча раз, кто меня слышит, связь»!* В ответ звенящая тишина. Взгляд на часы, кажется, прошла 1 секунда, и я сделал все что мог. – «Серж, что ты видишь»? – кричу в «СПУ». – *«Ни хрена не вижу, в какой-то кисель вляпались – кажется».* Лихорадочно кричу по «УКВ»: – *«Всем, всем, всем, я свеча раз Полюс, Полюс»* (это код потери ориентировки). А в ответ тишина, да звон стоит в левом ухе. Вариометр показывает снижение 5 метров в секунду, высота уже 120 метров и падает, прыгать уже поздно. – *«Это конец Серёга, мы славно летали, прощай брат».* В последней надежде остановить падение, выпускаю закрылки на 30 градусов, и как ни странно это помогло, высота остановилась на 100 метрах, а вариометр показал даже подъём на 0,5 метра в секунду. Уф! Машина уже не падает, это хорошо. Сбрасываю с лица на лоб, не нужные сейчас полётные очки, и продаю ладонью глаза. Откуда этот туман, как кровавая пелена? Может мы уже погибли и это агония? Всё лицо покрылось, каким-то – липким потом. Вызываю стрелка: – *«Сергей, может мы уже погибли. А»?* – *«Кажется, нет командир, нос ещё чешется, и чихать охота, может пальнуть»?* Вдруг что-то с оглушительным треском порвалось, как будто порвали огромный брезентовый парус, и машина вдруг вывалилась на белый свет. Моментально появилась скорость – 280 км/час и стремительно пошёл набор высоты. Высота это всегда спасение! – *«Живём Серёга»* – радостно кричу

в «СПУ». В ответ слышу одно чихание? Ах да, у него же кабина открытая сзади – надышался гари! Но, что-то здесь всё не так, лес как-то скукожился и изменил цвет, трава покрылась снегом, кажется. Что-то нам всё время, *кажется, и кажется*, причём обоим? Новое оружие придумали фрицы – обожгла спасительная мысль? А где мои ведомые? Кручу головой на 360 градусов, но вокруг на 50 вёрст никакого движения ни единой точки не наблюдаю – одна сумеречная, странная тайга припорошенная, *кажется* снегом? – «*Во попали, хренотень, хорошо, что бензина предостаточно*» – забубнил я в «СПУ». Набрал безопасную высоту 700 метров, убрал закрылки, повернул на 120 градусов. Странно, бортовые часы стоят, взглянул на ручные – тоже стоят, остальные приборы показывают норму. Вот значит, как потрянуло нас, что все часы остановились? Но пора уже показаться и нашему полковому аэродрому, похожая сопка показалась на горизонте. Чёрт, хоть бы один линейный ориентир, или проплешина, вокруг голая равнина, глазу не за что зацепиться, ниче-во! – «*Визжу полосу командир*»! – раздался жизнерадостный голос Сергея – «*Разворачивай на 90 градусов налево, ты, что сам не видишь*»? Я завертел чумной головой, точно вижу нашу взлётку, но где наш полк, где капониры и почему всё засыпано снегом? Что делать, впереди до самого горизонта всё засыпано снегом (из лета в зиму), или это мука или, или новое оружие фрицев?

А руки – ноги сами делали свою положенную работу, ма-

шина уже на четвёртом развороте, выпускаю шасси, толчком выпускаю закрылки для посадки, мотор урчит вкрадчиво на хитром газе, подбираю высоту. В наушники врывается голос Сергея, в крайнем волнении: – *«Ты что сдурел, садись на брюхо угробимся, это же снег в полметра»!* – *«Не влезай под руку концевой».* – Рычу ему в ответ по «СПУ». Газ убрал режим парашютирования (минимальная посадочная скорость). Выдерживаю, рука на газе, штурвал до пупа. – *«Внимание земля, касание»* – не кричу, а хриплю в «СПУ». Последний дюйм. Шасси квакнули в разнобой, затарахтели обижено амортизаторы, машина бежала по рыхлому снегу, быстро замедляя свой бег и не скапотировали, мелькнула радостная мысль. Выключаю зажигание – ПМ -1 и вытягиваю на себя пожарный кран – перекрывая топливо. – *«Всё сели»* – облегчённо выдохнул я в «СПУ». – *«Прилетели мягко сели, высылайте запчастя, фезюляж и плоскостя»* – осторожно пошутил Сергей из своей кабины. Я сдвинул фонарь и принялся – может быть дымком – потянет? Но только снежный вихор оседал после нашей ювелирной посадки. Кажется, ничего не сломали, порядок, отметило сознание, и я энергично пощёлкал пакетниками, отключая электрику и бортовые системы. Вылезать на холод нет ни малейшего желания, мы ведь одеты в летних – лётных комбензонах и в хромовых офицерских сапогах, документов тоже нет, из оружия 2 пистолета ТТ на двоих, один борт-паёк и аптечка. Кроме этого есть секретная документация – полётные карты в планшетах.

У меня миллионного масштаба. У стрелка Сергея, карта покрупнее, – пятьсот тысячного масштаба (в одном сантиметре поля карты – 5 километров местности) – сгодится! Я уже понимал, что мы влипли в скверную историю. Ни полковых казарм, ни капониров, ни вышки СКП, ни лётной столовой не было видно. Ни-че-во! Да ещё зима – странная, свалилась на наши головы! Сергей из своей кабины водил дулом своего «ДШК» – крупнокалиберного пулемёта, калибром 12,7. Как хорошо, что я приказал ему не тратить боекомплект – приберёг на случай мессеров. Этот пулемёт, при случае – *«распорет»* любой БТР, да и лёгкий танк сверху *«пробьёт»*, если что. Снова включаю электрику и проверяю своё носовое оружие. Ура! Целая пулемётная лента осталась, а вот снарядов у пушки нет – все в расход пустил, а жалко! Но что всё-таки стряслось с погодой? Да нет, не с погодой, а с Землёй вообще; может это наступил внезапно Конец Света (Ледниковый Период), а может быть, мы с Серёгой попали на *«тот свет»*, в царство Нави – как тут всё разберёшь? Думай командир – крепко думай. Сидеть и чего-то ждать в кабине становилось бессмысленно, да и холод пробирался сквозь бронеплиты. Пришлось вылезать нам на холод в летнем обмундировании, как хорошо, что мы оба курим и есть огонь в наших зажигалках – в первую очередь надо согреться, а затем всё остальное как-нибудь приложится. Проваливаясь по голень в рыхлый – пушистый снег мы побрели к кромке леса в надежде развести костёр.

Может мы просто перепутали площадку и сели на обычную лесную поляну – а снег? Да нет, карты не врут – господствующая сопка на профиле местности все совпадает, с нашим полевым аэродромом, да и компас не врёт на земле. Ладно, упрёмся – разберёмся! Холод уже всерьёз пробирался до костей и мы начали судорожно собирать сухостой для костра. Сергей, дрожа от холода как осиновый лист на ветру, расчищал хромовыми сапогами снег для костра, а я разжигал фронтовой газетой сухие ветки. Наконец мы победили, и костёр начал давать скудное тепло. Нет, так обогреться не удастся – нужна землянка или хотя бы шалаш, что бы защититься от пронизывающего ветра. Я уже хотел использовать парашют для импровизированной палатки, так как получалось, что влипли, мы всерьёз и надолго. До ближайшего зимовья обозначенного на карте Сергея было порядка 10 километров, а до деревни Осиновки и того больше 45 километров. Преодолеть такие расстояния без тёплой одежды, нам совершенно – нереально. Что же делать? Лететь в Осиновку? Но не факт что удастся взлететь с этого импровизированного аэродрома. По рыхлому снегу не набрать взлётной скорости – нет, это не реально, да и не известно, какие подснежники могут попасть под колеса шасси – скапотлируем и конец нашей песни. Да и что нам делать с нашим боевым конем – горбунком? По инструкции мы должны его сжечь, но у меня лично рука не желала подниматься на такое варварство. Внезапно до нашего слуха долетели отдалённые раскаты канона-

ды, я сбросил с головы кожаный лётный шлем и напряжённо прислушался, стараясь определить направление. Но что-то резало слух, не вписывалось в обычную фронтовую перестрелку. Не было воя наших мин, что ли, или очередей крупнокалиберных пулемётов, или «икания» немецкой «*ко-
ровы*» (дальнобойного миномёта). Вдруг что-то изменилось, я кожей почувствовал чей-то пристальный взгляд и медленно повернулся лицом к лесу – доставая свой «ТТ» и снимая его с предохранителя. Но вокруг стояла напряжённая тишина, да красиво падал на землю пушистый снег. Сергей тоже насторожился и стал принюхиваться как лось и свирепо «*зыркал*» выпуклыми глазами «*акулы*» – по ближайшим кустам. Его «ТТ» так же был в боеготовности и перемещался рывками – следуя за его взглядом. Все кончилось внезапно. Неожиданно раздалась команда на грубом русском языке, как удар хлыста: – «*Эй – летуны! Стоять смирно! Руки вверх! Бросить оружие!*». Партизаны – пришла радостная мысль, а может дезертиры – но свои же? Мы с Сергеем стояли, силясь различить среди деревьев человека, бросать оружие явно не хотелось. Чтобы развеять наши сомнения раздался сухой выстрел, явно из ружья и заряд картечи или дробы просвистел над нашими головами – оборвав наши колебания. Пренеприятная ситуация стоять под мушкой. – «*Кому сказано, бросайте оружие, раздался уже другой голос, явно моложе первого*». Пришлось подчиниться и бросить своё личное оружие прямо в снег. Я крикнул, обраща-

ясь к невидимкам: – «*Вы что не видите, мы же свои – лётчики, на звёзды самолёта посмотрите*»? Из-за деревьев вышел бородатый мужик в полушубке овчинном, в длинных валенках и треухе из лисьего меха.

Черная окладистая борода, с проседью, скрывала его лицо, лишь зоркие глаза насквозь сверлили нас трассирующими пулями. Короче жуткий бандит с большой дороги. В правой руке он держал бандитский обрез. Во-попали, – к бандитам? Мы стояли и молча изучали друг – друга, и пауза явно затянулась. – «*Вы летуны, какие будете, за белых али красных, а могёт из анархистов «цыплёнок жаренный» – «анархия мать порядка» – ась? – «Ты что дед, мы русские лётчики*» – выпалил я объятый праведным гневом. Сергей не проронил ни слова, с улыбкой изучая разбойника с большой дороги. – «*Ну раз русские, а не французские, тогда скидывай козлух, покажи свои погоны, я их прекрасно вижу – они выделяются под френчем*». Я хмыкнул, под моей лётной курткой – техничкой, у меня был одет парадный суконный офицерский китель с погонами капитана. Медленно, не делая резких движений, я снял техничку и сверкнул своими офицерскими погонами. Утром всегда неуютно сидеть в холодной кабине в летней «техничке», поэтому пришлось одеть суконный парадный китель – на работу как на праздник. Мои «золотые» погоны произвели на разбойника колоссальное впечатление, как будто они действительно были сшиты из золотых нитей. – «*Так, так, значит русские*

офицеры – золотопогонники, да ещё летуны? Генка ты видел это чудо – настоящих офицеров – летунов»? В тот же миг из кустов показалась вначале несуразная папаха, а затем молодое безусое лицо деревенского мальчишки – подростка, одетого в валенки и рыжий полушубок, явно сшитый из козлиной шкуры. – *«Дядь Арсений, а давай отведём их в штаб, страсть как хочется поглядеть на летунов, говорят они самые смелые»* – важно изрёк он здравую мысль. Мы переглянулись с Сергеем, и он почесав нос, мельком прижав палец к губам, дал мне знак – помолчать. – *«Ну вот что, земляки»* – начал Сергей спокойную речь; – *«Поднимите наше именное оружие и возьмите его на временное хранение. Негоже нам русским офицера ронять свою честь. Понимать должны, чай не маленькие и ведите нас немедленно в ваш штаб, у нас есть «мандат» для вашего командира, для чего мы и прилетели к вам».* – *«Не командира, а Ко-ман-дар-ма»* – важно выгнув грудь, – пояснил бородач Арсений, и кивнув мальцу, важно приказал: – *«А ты Генка подбери оружие офицеров».* Молодой разбойник, в козлином полушубке (лет 14 от роду), быстро доскакал до нашего костра и ловко достал из сугроба наше личное оружие. – *«Осторожно Геннадий, поставь оружие на предохранители»* – усмехнулся Сергей. – *«Как поставить – покажи»* – дружелюбно спросил Генка. – *«Я те покажу, тащи их ко мне, я те покажу»* – рассвирепел разбойник Арсений. Разбойники немного беззлобно поспорили, наконец,

наше «именное» оружие, было поставлено на предохранители, и Генка засунул их в свои бездонные карманы полушубка. – «Ладно, хватит лясы точить, айда к командарму в штаб» – важно поставил точку в нашем аресте пират Арсений. – «Надо забрать документы и мандат» – кивком показал на самолёт Сергей. – «Сам ты манда, иди, забирай свои документы» – смягчился главный пират. – «А ты пока стой на месте под прицелом» – кивнул он мне. Сергей важно забрался на центроплан Ила, забрал наши лётные планшеты, не забыл захватить авиационную аптечку и лихо захлопнул стеклянные кабины Ила. – «Всё готово командир» – отрапортовал он мне. – «Электрика отключена?» – уточнил я. – «Так точно – ваше высокое благородие, – отключена». – «Тогда порядок» – хмыкнул я. – «Хватит болтать, двинули, путь не близок» – прервал Арсений нашу дискуссию. Наш небольшой отряд, наконец, побрёл вглубь сурового леса, утопая по колено в снегу. Генка сноровисто торил тропу, как Иван Сусанин, в некоторых местах проваливаясь по пояс в слежавшийся снег. Руки и ноги у меня уже окоченели уже не шуточно, мороз стоял градусов 10 не меньше. – «А ну стоять, кому говорят» – послышался сзади громкий окрик Арсения. Мы с Сергеем остановились, разминая замерзшие руки, в летних кожаных перчатках. – «Генка, быстро скидывай тулуп, да отдай летунам, пуцай погреются по очереди, а то не доведём – околеют» – отдал команду Арсений. Малец согласно кивнул, скинул свой полушубок, не забыв

вытащить из карманов наше именное оружие, и засунул ТТ-хи за свой пояс френча. Я первый одел тёплый полушубок, вмиг ощутив тёплое блаженство. – *«Спасибо браток»* – вежливо поблагодарил я Генку. – *«А Геннадий не замёрзнет»?* – подал голос Сергей. – *«Ничего он у нас к морозу привычный, да и недалеко уже»* – пояснил Арсений. Мы вновь зашагали по сугробам, проваливаясь местами чуть ниже пояса. – *«Вид у вас – ваша светлость – прямо-таки пиратский»* – весело пошутил Сергей, клацая от мороза зубами. Я промолчал на шуточки старшины, тем более непонятно к кому он обращался, – я ему покажу *«Ваша светлость»*, шутник. Труднее всего приходилась Генке, топать по тайге, обходя на ощупь буреломы. Он и действительно напоминал мне Сусанина, правда, вооружённый как пират двумя грозными пистолетами. Я пожалел паренька и крикнул: – *«Стои машина – опра- виться нужно»!* Все остановились, удивлённо поглядывая на меня. Я сбросил Генкин полушубок и снял летнюю куртку – техничку. Расстегнул «золотые» пуговицы на суконном кителе и снял его, оставшись в шелковой нательной рубашке (сшитой из парашютного шёлка). Мой парадный тёмно-голубой офицерский китель был украшен нарукавными *«золотыми птичками»* – вышитыми женскими руками белошвеек (мечтой курсантов), впрочем, как и офицерские *«золотые»* погоны со звёздами. Красота; все девушки оборачиваются глядя на офицера лётчика, да ещё капитана! – *«На ка браток, утеплись, он из «чи-ше» (офицерское сукно), тёплый,*

может быть, ты тоже летчиком станешь, а мне так будет удобнее, а то он мне подмышками жмёт» – лукаво соврал я, и протянул китель Генке, дед не возражал, и мы быстро переоделись. Генка, надо понимать, был на седьмом небе от счастья, наградные колодки украшали его грудь, и казалось – он полетел, вперёд, с удвоенной скоростью. Наконец, когда уже мы выдохлись, так, что уже не было сил сделать ещё один шаг, я почувствовал запах дыма. Кажется, мы пришли, не заблудился наш *«Сусанин»*, как он ориентируется в тайге, без компаса и карты – совершенно непонятно. Лёгкий дымок вился, кажется прямо из земли. Землянка – понял я, причём хорошо замаскирована, в двух шагах пройдёшь и не заметишь. – *«А ну стоять»* – громко прикрикнул Арсений; – *«Генка охраняй пленных»!* – а сам прошмыгнул в недра землянки, выпустив из двери клубы пара. Мы трое остались стоять на морозе. Генкин полушубок был уже на Сергее, а сам Генка приосанился в моём офицерском кителе, который доходил ему почти до колен – как полупальто. Не прошло и двух минут, как из землянки вышло трое мужиков свирепого вида и принялись изучать нас – сверля глазами. Наш вид привёл их в нешуточное оцепенение. На самом главном, как я понял по выправке, была одета простая деревенская рубашка в *«горошек»*, заправленная в армейские галифе, с клиньями для верховой езды. Через плечо была небрежно перекинута портупея с маузером в деревянной кобуре. Не иначе командир отряда – понял я, настолько

уважительно стоял вытянувшись в струнку дед Арсений. – «*А что это за дед – мороз*»? – удивился командир, оглядывая Генку в лётном кителе. Тот за словом в карман не полез и лихо ответил, прищёлкнув валенками: – «*Я лётчиком буду, уже решил*!»! – «*Похож, похож, вылитый летун*» – загалдели, улыбаясь, партизаны. – «*Ну чего зря на морозе стоять, заходите в горницу господа хорошие, вижу что замёрзли*» – пробасил – командир отряда, отворяя дверь землянки. Мы вошли в землянку, отряхивая снег с хромовых сапог веником, на пороге. В нос пахнуло, теплом, сеном и табачным дымом. В общем, обычный запах казармы. Землянка была довольно большая, наверняка – штабная. Посреди землянки стоял длинный, деревянный стол, изготовленный из обтёсанных брёвен. За место стульев вокруг стола стояли две длинные деревянные скамейки. Возле печки – «*буржуйки*» располагались двух-ярусные нары, аккуратно застеленные и убранные с хозяйской заботливостью. На жаркой «*буржуйке*» запаривался огромный «ведерный» чайник, обмазанный снаружи слоем затвердевшей белой глины. Через верхнее застеклённое оконце, над нарами, пробивался тусклый дневной свет. Тут тебе и оконце и хорошо замаскированный «дзот» (огневая точка – бойница), снаружи я его даже не заметил. Под низким потолком висела и чадила керосиновая лампа. Нас посадили за стол, поближе к пышущей жаром печи, и живительное пряное тепло приласкала наши замороженные спины. – «*Летунам надо выпить горилки,*

иначе могут заболеть, да и нам не помешает для беседы» – задумчиво проворчал атаман, и тут же приказал: – *«Митька накрывай на стол, – столоваться будем всем штабом»*. Лицо командира, несмотря на окладистую рыжую бороду, выражало добродушие и крестьянскую смекалку. Высокий благородный лоб прорезали морщины и обрамляли совсем ещё молодые кудри. Ну, вылитый Емельян Пугачёв. Принесли огромный каравай хлеба, варёную картошку, квашеную капусту с ягодой, солёные грибы и прочие разносолы. Генка суетился, пытаясь без зеркала осмотреть себя в лётном кителе капитана ВВС. В штаб, запустив облако тумана, зашли ещё трое партизан, с винтовками «Мосина». С порога они поздоровались со всеми с деловитой крестьянской обстоятельностью и поставили на стол четверть прозрачной как слеза самогонкой. Странно, я всегда думал, что самогонка, – мутная – такую показывали в кинофильмах.

Все командиры расселись вокруг стола. Молодой партизан, – Дмитрий выполнявший работу ординарца, разлил горилку по кружкам. – *«Ну, давайте за знакомство и для сугрева летунов, чтоб не разболелись»!* – поднял, свой первый тост атаман. Все выпили, – загремели кружки, застучали ложки. Мерцающий свет керосиновой лампы украсил нашу кампанию светотенями, превратив лётчиков и партизанских командиров в пиратский табор. Выпили и по третьей, под весёлые тосты атамана и начался, наконец, неспешный разговор – чем-то напоминающий допрос с пристрастием.

Сергей под столом наступил мне на ногу, давая понять, что он будет отвечать на первые вопросы (друг друга мы понимали с полуслова), вероятно он придумал нашу *«легенду»*. – *«Откуда вы прилетели „ваши благородие“, и чего хорошего принесли нам на своих краснозвёздных крыльях»* – сурово спросил атаман, задумчиво вперив тяжёлый взгляд. Сергей, аккуратно обтёр свой рот чистым платком, и откашлявшись начал свой странный рассказ. Я ошарашенно молчал, нахмутив лоб, и тупо разглядывал керамическую кружку. – *«Его превосходительство, генерал-полковник царской службы – господин Туркулов, направил нас на разведку и установления связи с повстанческим движением, которое назревает в большевистской России. Мы полагаем, что спонтанные разрозненные крестьянские восстания против власти Советов, неизбежно перерастут в народно-освободительное движение по всей России и ближнего зарубежья»* – важно, и с расстановкой декламировал Сергей.

Что он несёт, лихорадочно думал я, какой ещё генерал Туркул, что за нелепую игру затеял мой старшина? Это же разговоры *«врагов народа»*? За такие разговоры, в лучшем случае положена статья – 58, с литером Т (троцкистско-зиновьевский блок) и 15 лет лагерей на Колыме (без права выезда). Внезапно меня обожгла страшная мысль – Сергей враг народа! Мои щёки запылали, как во время боя. Эта страшная мысль не укладывалась в моей голове: – *«Сергей, замаскированный враг народа»!* Мои лихорадочные мысли прервал

атаман: – «*Так понятно, а документ по полной форме у вас имеется*»? – тихо спросил он. Тишина в землянке воцарилась звенящая. Сергей ухмыльнулся и тут же, не задумываясь, ответил: – «*А как же – имеется – вот наш документ*»! Сергей медленно встал, снял с гвоздя свой лётный планшет и положил на стол полётной картой вверх, перед атаманом, левой рукой отодвинув миску с капустой. – «*Наши карты и есть этот документ*»! – сказал, как обрезал. Атаман устоял на подробную полётную карту района, обозначенную кодовыми значками и маршрутами наших полётов. Атаман хитро прищурился, хмыкнул и передал планшет своему соседу по столу. – «*Ну-ка Петрович, посмотри что нам, – это ведь по твоей части*»? Сергей между тем продолжил свою странную речь: – «*Главное в нашей миссии – это разведка – боем, точнее, боестолкновение с действующими частями противника, и испытание нашего нового секретного оружия победы – „Летающего Танка“, на котором мы и прилетели*».

– «*Но главная наша задача, – установление связи с повстанческим движением, то есть с вашей армией, которая расквартирована в данном районе – в тамбовских лесах! Я ясно говорю, всем понятно. Далее следует задача – наладить воздушный мост с зарубежьем, с белой армией генерала Туркула. Мы и есть эти первые представители штаба Белого Движения, уполномоченные вести переговоры и оказывать помощь огнём и мечем! Знаем как вам здесь трудно, невыносимо трудно, оружие приходится доставать с бо-*

ем»! – В голосе Сергея появились командные нотки. Он исходил красноречием, как замполит на полит-учении. Но, что он придумал? Какие переговоры, да и с кем, с какой-то бандой дезертиров или разбойников с большой дороги. А может он просто струсил? Что-то на него не похоже. – *«Генерал Туркулов, он же в Харбине»?* – неожиданно прервал речь Сергея худощавый партизан с изящными тонкими чертами лица, которому атаман передал карту полётов. – *«Помолчи Петрович, это не культурно перебивать гостя, пусть говорит»* – довольно резко остановил его атаман. – *«Генерал Туркулов сейчас во Франции, в Париже и не просто там отсиживается. Там собрался весь цвет белого движения – почти 2 миллиона человек (с женщинами конечно)»*, слегка смутившись, ответил на вопрос партизана Сергей. После этих слов, казалось чёрные тучи, нависшие над нами, – вдруг разрядились невидимой молнией, и напряжённые лица мужиков как по команде размякли и заулыбались. Развеселился и сам атаман, его плечи зашевелились, он приподнялся, и самолично разлил по кружкам горилку. – *«Одну минуточку, позвольте вас спросить»*, раздался вкрадчивый голос Петровича: – *«Почему ваша карта издана в 1928 году, и что обозначают эти схемы размещения войсковых соединений, как это понимать, я вас спрашиваю»?* За столом, снова нависла зловещая тишина, кружки с горилкой застыли в руках партизан. Сергей, молча поставил свою кружку, и опершись обеими руками твёрдо пояснил: – *«Это генеральный*

план дислокации наших войсковых соединений – зарубежья, намеченный на 1928 год, что бы решительно и бесповоротно вернуть России то, что ей принадлежит по праву. Повторяю, это генеральный план. А пометки, и кодовые знаки обозначают локализацию наших частей их количество и рода войск, которыми „белая армия“ располагает и выдвигает на Восточный Фронт, в помощь народному ополчению именно в 1928 году». Не удержавшись от такой наглости Сергея – я дико, Гомерически захохотал, и никак не мог остановиться (это же надо придумать, войска Вермахта, обозначенные на нашей карте, он охарактеризовал как войска белых армий). Сергей похлопал меня по плечу и снисходительно сказал, обращаясь к партизанам: – «Это просто нервный срыв у командира, мы столько натерпелись, пока к вам добирались, понимать надо»! – «Да всё понятно» – поднял руку с полной кружкой атаман, – «Всякое бывает. Значит, „Белая Косточка“ верит в нашу народную Армию, в нашу победу, так выпьем за победу, а там как Бог даст»! Все поднялись, зазвенели сдвинутые вместе кружки, все выпили стоя, за победу!

Закусили, с удовольствием. Атаман, пережёвывая лист капусты спросил Сергея: – «Значит, решили поддержать свой народ – Ваши-Благородия – огнём и мечом»? – «Так точно, наш штаб решил припугнуть большевиков нашим секретным оружием, бронированным самолётом – летающим танком ИЛ – 2. Наш самолёт – совершенно уникален, его

нет в других армиях Мира, и надеюсь, никогда не будет. Это летающий танк, с бронёй выдерживающий любой пулемётный огонь и даже снаряды малого и среднего калибра»! – «Вот это чудо!» – загалдели мужики – «Танк и летает? Какое это диво, и кто это придумал, кто это придумал»? – «А ну цыц!» – оборвал галдёж атаман: – «Давно бы так, ведь умнейшие люди – господа хорошие, а драпали от гольдыбы как бараны. Красные с винтарями, а они в штыки – патронов им жалко, одним словом ба-ра-ны, ваше благородия» – и атаман в сердцах стукнул кулаком по столу так, что вся посуда задрожала. – «Вот и разорили Рассею басурманы. У мужиков ведь ума нет, всегда жили чужим умом – барин нас рассудит! Вот теперь и платите продразверсткой – кормите эту голь перекатную, да ихних комиссаров – мироедов». – Сокрушался атаман, качая головой. – «А вот кабы были в запасе летающие танки, да как жახнули бы картечью сверху и шабаши революционерам голоштанным. Что ума не хватило раньше сделать самолёт-танк? А то за Веру, Царя и Отечество – глупый лозунг выдумали. Вера у них на первом месте, а Отечество на последнем, вот и потеряли О-Т-Е-Ч-Е-С-Т-В-О». – Так сокрушался атаман. Мы все сидели тихо как мыши и слушали его затянувшийся тост. Кажется, он всерьёз поверил легенде Сергея – По-ве-рил! Мне стало стыдно перед ними, они поверили нам, а мы лживые иуды – сказочку придумали. Стоп, почему придумали – это старшина придумал – сказочник! Ну, старшина, – акаде-

мик, расстреляю как собаку – самолично! – *«Ну что господа офицеры, поднимем наши чарки, за вас, за ваше новое чудо оружие победы, за наше отечество»!* Все как по команде дружно встали, загремели. Стукнулись, полные чарки, все выпили за тост атамана. Котелок с закуской стремительно пустел. Я сидел сам не свой, тяжёлые мысли раздирали мою изрядно хмельную голову. Представитель ставки Верховного Главнокомандующего, белого движения – едрёна мать! – *«А какао Ваше мнение господин капитан о командире Тухачевском»?* – задал мне свой вкрадчивый вопрос таинственный крестьянин (крестьянин ли?), – Петрович, в упор, глядящий мне прямо в глаза. Не задумываясь, как на политзанятиях я выпалил: – *«Тухачевский враг народа»!* – А вот это Любо! – загалдели мужики, и кажется *«лёд тронулся»*, после моих слов окончательно. Все, как по команде стали доставать кисеты с махоркой, накручивать самокрутки. Мы с Сергеем закурили мои папиросы – «Казбек», прикурив от керосиновой лампы – пахнули ароматным табаком. – Петрович, расскажи как нам про злодеяния Тухачевского – попросил атаман. Худощавый, гладко выбритый, вероятно из бывших офицеров *«царской школы»*, Петрович, начал свой неспешный рассказ: – *«Большое число моряков крепости Кронштадт было на стороне Ленина. Они верили тогда, что борются за истинную свободу, за улучшение положения народа. Но моряки горько ошибались, ибо оказалось, что борются они не за народную власть, а за банду боль-*

шевиков. Потому что, когда белая гвардия была сломлена, а с Польшей было подписано перемирие, моряки Балтийцы спохватились и подняли одни из первых восстаний против большевиков. Кронштадт поднялся первым против диктатуры! Как это началось? В Петрограде после гражданской войны начался страшный голод. Рабочие начали бастовать. Рабочие Путиловского и Обуховского заводов вышли демонстрацию с лозунгом – «Требуем хлеба», голодные работать не будем, пусть работают получающие комиссарские пайки! К демонстрантам присоединились студенты и рабочие других заводов. Так начался голодный 21-й год. Но Зиновьеву удалось сломать забастовки и тысячи рабочих попали в тюрьмы на растерзание чекистов». – И поделом им – этим рабочим! – прервал его рассказ атаман. – Как бастовать за буханку хлеба – это рабочие, а как защищать свою честь и семью с оружием в руках – так это крестьяне! Как хлеб сажать, – это опять крестьяне, а как в кабаках сидеть, да слушать большевистскую пропаганду про рай при ворах, и проходимцах – это рабочие! А своей головой подумать – кому выгодна эта пролетарская Ре-во-лю-ция – ума у рабочих не хватает! Вот и голодайте на здоровье! Петрович, выдержал паузу, не прерывая эмоции атамана, и снова продолжил: «Узнав о бесчинствах Ленина и Зиновьева, матросы Кронштадта первого марта собрались на якорной площади. Собралось пятнадцать тысяч человек. До этого экипажи линкоров «Петропавловск» и «Севастополь» приняли ре-

золюцию требуя: 1. Перевыборов. 2. Освобождения арестованных. 3. Уравнение пайка для всех трудящихся. 4. Свободы действий крестьян. 5. Разрешения кустарного производства. Резолюцию подписали: Петриченко, Перепёлкин и генерал Козловский, возглавившие штаб моряков Кронштадта. Аналогичные резолюции были приняты на линкоре «Андрей Первозванный», и других кораблях Балтийского флота. Ленин узнал об этом и собрал свой совет: Троцкого, Ворошилова, Тухачевского, Каменева, Егорова. На совете Ленин, пылая от ярости пригрозил: – «Ни один предатель революции не должен избежать нашей кары». Сразу же в Петроград был направлен Тухачевский во главе 7-й армии. Кронштадт решил обороняться под лозунгом: – «Умрём или победим». Генерал Козловский (генерал – майор царской службы), внёс разумное предложение, пока залив скован льдами, надо овладеть Ораниенбаумом и потом выступить на Петроград, где всё население ждало освобождение от власти коммунаров. Так вот это дельное предложение Козловского штаб в лице Петриченко и Перепёлкина не поддержал. 7-я армия красных начала наступление на восставших моряков, в рядах которых было всего 20 тысяч человек. Тухачевский вначале обстрелял крепость артиллерией и затем начал наступление. Красная авиация бомбила Кронштадт. Но атака красных была отбита, хотя Тухачевский располагал силами 60 тысяч штыков.

Многие красноармейцы перешли на сторону восставших,

многих взяли в плен, и красные, оставив на льду тысячи трупов – бежали. В советском тылу резервные части отказались идти в бой против моряков, и Тухачевский приказал расстреливать каждого десятого, – потомственный садист. Во время этой передышки генерал Козловский и капитан Соловьянов снова предложили пойти в контрнаступление на Ораниенбаум. Но «предатель» Петриченко это дельное предложение опять отклонил – собака! Тут Петрович впервые не сдержал свои эмоции, и ударил кулаком по столу так, что все тарелки разом подпрыгнули. Я достал пачку папирос «Казбек» и предложил папиросу Петровичу. Они кивнул, взял папиросу и прикурив жадно затянулся, выпустив изящное кольцо дыма. – Покорно благодарю, – хороший табак уважаю. Давно не курил «Герцеговину Флор»! Все партизаны тихо сидели и напряжённо ждали продолжение этого жуткого рассказа. – Так вот, дальше было самое интересное, – Петрович загасил папиросу, обвел всех присутствующих своим пристальным взглядом, и продолжил своё повествование: – «Красные готовили новое наступление под командованием: Федько, Дыбенко, Путны, и Фабрициуса. 16 марта начался штурм крепости. Сотни и сотни красноармейцев покрыли своими трупами улицы города. Матросские отряды бросались в штыковую атаку – кончились патроны. Почти полностью были уничтожены 32 и 72 бригады красных, но на их место прибывали все новые и новые части. Бежавших из этого ада красноармейцев остановил Ды-

бенко, подоспевший с 27-й конной армией, он и спас положение иштурмующих. 18 марта весь Кронштадт был в руках Тухачевского и его войск. Около 8 тысяч матросов во главе с Петриченко, генералом Козловским и Соловьяновым пробились ночью по льду в Финляндию и там были интернированы. Несколько сотен захваченных повстанцев в первый же день, по приказу Тухачевского, были отведены на лёд и расстреляны. Эти расстрелы длились два дня. Вот таков есть этот командарм Тухачевский». — Петрович закончил свой рассказ — исповедь и закрыл лицо ладонями, плечи его судорожно вздрагивали. — А вот теперь настал наш черёд поквитаться с Тухачевским и его наёмниками, за пролитую крестьянскую кровь — вставил своё слово атаман. Он пристально посмотрел мне в глаза и сказал взвешивая каждое слово: — «Вот что дорогой лётчик, офицер! Помоги нам, сделай что сможешь, на своём летающем танке. Силу огромную выставил против нас Тухачевский, загнав нас в капкан тамбовских лесов. Приготовил артиллерию, заряженную не только фугасами, но и ядовитым „горчичным“ газом! Мы приняли боевую эстафету у восставших моряков Кронштадта, светлая им память!»! Итак, мы замерли друг против друга, и зрачки наши соединились на одной прямой, на струнной линии, тронь — зазвенит. — Организуй чудо, спаси моих мужиков, которые поднялись за правое дело с оружием в руках. — Атаман с силой грохнул кулаком по столу.

Я реально не понимал, что происходит? Это был какой-то

странный кошмарный сон и я никак не мог проснуться, а атаман явно ждал моего ответа, на свой вопрос я ответил, то, что всегда слышал от нашего полкового замполита, и пробормотал: — *Тухачевский враг народа!* Тут Сергей поднял вверх обе руки и с улыбкой произнёс: — *Утро вечера мудренее, господа — хорошие, а сейчас давайте конкретно знакомимся — земляки.* — *Мой командир летающего танка — поручик Алексей Обручев, а я бортовой стрелок и штурман в одном флаконе — подпоручик Сергей Орлов!* — *Извините господин подпоручик, а где вы учились лётному ремеслу, в России или в эмиграции?* — тихо спросил Петрович. — *Я знал в своё время Обручева — лейб-гвардии гусарский полк — это случайно не ваш родственник?* — С этим вопросом он обращался явно ко мне. Странно, однако, два вопроса обращённых одновременно к нам обоим. — *Увы, нет,* — *бодро ответил Сергей,* *мы с Алексеем учились в одной школе Императорского Всероссийского аэроклуба, что расположен на комендантском аэродроме в Санкт-Петербурге, а переучивались на ИЛ — 2, уже в Берлине.* Я тупо молчал в каком-то странном оцепенении и не ответил на вопрос Петровича, а только кивал головой, как бы подтверждая объяснения Сергея. Был ли у меня родственник в гусарском полку, — следовательно, дворянского происхождения, в дореволюционной России, я совершенно не знал. Выручил меня сам атаман: — *Ну что ты Петрович пристал к людям со своими «чекистскими» вопросами, это сейчас не важно, где кто учился, и кто есть кто. Во-*

прос стоит нынче так: либо они нас, либо мы их – третьего не дано! Помогут нам летуны одолеть полнокровную армию Тухачевского, с его карателями, артиллерий и газами, или нас всех покрошат, как балтийских матросов! – Завтра всё и обсудим во всех деталях, на трезвую голову. Атаман встал, оправил рубаху, приосанился, глаза его метали молнии и басом не сказал, а как лев, – прорычал: – «Я командарм народной – освободительной армии Антонов! Прошу любить господ и жаловать!» Мы встали с Сергеем, как по команде, и горячо пожали атаману руку. Поднялись все командиры и по очереди жали нам руки и представлялись, называя должности и имена. Что за бред, думал я, между тем, и когда же закончится этот тягучий странный сон? На дворе наступил 1943 год, а тут атаман Антонов, однофамилец ли братьев Антоновых, которые подняли «антоновский мятеж», против советской власти, кажется в 1922 году. И тут спасительная мысль всплыла в моём воспалённом мозге – «Да мы просто погибли и находимся уже на «том самом свете». И от этой мысли мне вдруг стало как-то легко и весело и я наконец рассмеялся. Да точно вспомнил! В 1921 году братья Антоновы в тамбовской губернии подняли крестьянское восстание, на разгром этого восстания потребовалось две красные армии. Да дела, в истории КПСС эти разделы кратко назывались, как: – «Кронштадский мятеж и Антоновский бунт», даже кинофильм был снят: «Мы из Кронштадта», правда в этом фильме действия происходи-

ли летом, да и воевали там моряки почему-то с белогвардейцами? И от этих мыслей я стал безудержно смеяться, а затем сел за стол и непроизвольно на глазах у всех зарыдал. Тяжёлая мужская рука Антонова опустилась на моё плечо: *«Ничего, поплачь, это бывает, Россия нас не забудет»*. На до ещё выпить – выкрикнул кто-то из командиров. Антонов вострепнулся, – *а точно – «Давайте на посошок»!* Больше я ничего не помню, и проснулся, когда кто-то энергично тряс меня за плечо. Этим кто-то, оказался Сергей. – *Ты чего, дай поспать,* – промычал я спросонья. – *Ни чего, а почему, это тебя надо спросить,* – жарко зашептал мне на ухо Сергей. – *Во-первых, у меня план. Надо помочь мужикам разгромить Тухачевского.* – *Чего – чего,* – вострепнулся я и окончательно проснулся. – *Какой к чёрту Тухачевский, нас просто вербуют либо немцы, либо полицаи из армии генерала Власова* – прошептал я, – «продирая» глаза, чтобы окончательно проснуться. – *У меня есть свой план – Сергей (я сразу вспомнил вчерашнее застолье). План такой, взлетим, найдём свой аэродром, а не найдём, то выпрыгнем на парашютах и будем пробираться к своим!* – *Да нет уже ни наших, ни ваших,* – командир, и вообще мы реально попали в прошлое в 21 год, понял ли ты это, или ещё нет – шептал Сергей мне на ухо! Я тут же сел на нарах, тараща глаза на тусклый свет идущий откуда-то сверху. – *Ты что плетёшь старишина, ты, что из бывших? В полицаи метишь, к генералу Власову решил переметнуться?* – *Да ты пойми командир, мы реаль-*

но попали в прошлое, под твоим чутким руководством, ты ведь пилотировал ИЛ? Наша жизнь теперь будет продолжаться не в 43, а в 21 году. А что касается Власова, то мы будем воевать не против Советской власти – против Сталина, а напротив, – против «Врагов Народа», против тех кого расстреливал Сталин! Так поможем Сталину уничтожить врагов народа и мужиков спасём от Тухачевского. Антонов – это же Спартак нашего времени! – Ладно, старшина, а с чего ты взял, что всё это не спектакль, и мы реально находимся в 21-м году, у тебя есть доказательства? – съязвил я, – полагаю, что ты предатель, товарищ старшина, – я был вне себя от ярости. – Тамбовский волк тебе товарищ, – холодно ответил старшина. – Вербуют нас говоришь, я предатель, а ты взгляни на фотографию своей фронтовой жены Тони, я уже всё изучил, пока ты здесь отсыпался после пьянки! Меня всего обожгло, а что Тоня – любовь моя? Я поднялся с нар, закурил папиросу и стал в потёмках искать в кармане моего кителя фотографию любимой. Шлёпая босиком по земляному полу, я зажёл керосиновую лампу и выкрутил фитиль повыше. Пламя коптилки осветило лицо любимой. Но что это? В тусклом, мерцающем свете с фотографии на меня смотрела маленькая девочка лет пяти, с огромным красным бантом на голове. Я отпрянул, и оцепенел, и тут мне стало по-настоящему плохо. – Это измена! – зашипел я, – Ты подменил фотографию, пока я спал? – Ну конечно я подменил, а ты прочти, что там написано,

на обороте, может быть я и почерк подделал, и чернила где-то взял, с гусиным пером. Я перевернул фотографию. Девичьим Тониным почерком, так щемяще в сердце, было написано: «Любимому и единственному, смелому лётчику Алексею Обручеву на вечную память от **Бони М**».

– Почему от Бони, а не от Тони? – дрожащим голосом спросил я. – Ну я не знаю, может быть, её так в детстве звали родители: – Бонифация, или Боноапарте – почём мне знать, – холодно ответил Сергей. Я дико захохотал, и повалился на нары и начал истерично дёргать ногами, в белых подштанниках. Судорога истеричного смеха, смешалась с безудержными рыданиями: – «Ах Тоня, Тоня, где ты сейчас – любовь моя»? – Вот то-то и оно, – задумчиво произнёс Сергей, – у меня было тоже самое, когда ты заходил на посадку, – и он протянул мне фотографию своей невесты из Москвы. С пожелтевшей фотографии на меня смотрела миловидная девочка, лет трёх от рода, сидящая верхом на деревянной лошадке. На обороте фотографии было написано ровным девичьим почерком: «Милому Сергею Орлову на память от Наташи. Р». Я задумчиво вернул фотографию Сергею и сел на нары. – А с этим временем у меня старые счёты, – холодно произнёс Сергей. – Латышские стрелки, которых нанял Ленин с Троцким, расстреляли моих родителей, прямо в усадьбе, когда проводили продразверстку, а по-простому, – просто грабили крестьян с именем революции! За мешок посевного зерна, который на-

или в погреб, – вывели во двор родителей и расстреляли. Я же сам тамбовский. А вообще, в красной армии Троцкий (враг народа), использовал наёмников – латышей и китайских «хунхузов» в виде заградительных-отрядов, как у нас, сейчас – НКВД. Я слушал Сергея краем уха. Действительно, я помнил постановления правительства в которых: Тухачевский, Троцкий, Дыбенко, Каменев, Бухарин, и прочие – были объявлены врагами народа и в 37-м расстреляны. Мои мысли путались, и я снова забылся тяжёлым, тревожным сном.

Утром, нас разбудил ординарец Димитрий, весёлой фразой: – «*Кушать подано – господа лётчики*»! На столе уже дымила гречневая каша, в котелке, а на буржуйке запаривался травяной чай из листьев брусники, распространяя в землянке, чудесный лесной аромат. – *Давайте быстрее к столу, скоро придут отцы командиры, будут штаб заседать*! Действительно, только мы успели привести себя в порядок, и позавтракать, как в землянку, в облаке тумана, вошли командиры, во главе, с командармом народной армии Антоновым. Все стали раздеваться, сбрасывая свои полушубки на нары, в общую кучу. Чинно расселись за столом. Широким жестом Антонов пригласил и нас к столу. Петрович уже разложил на столе полевые карты с пометками огневых точек противника. Антонов начал объяснять ситуационный план: – «*По данным разведки, Тухачевский окружил нашу армию, но при этом он растянул свои войска по всему фронту, но и этим снизил плотность огня на отдельных участках.*

Но самое главное он хочет „выкурить“ нас из леса применяя миномёты, в которых мины заряжены ядовитым газом фосгеном. Миномёты сосредоточены здесь и вот здесь, — он указал места сосредоточения этих дивизионов на карте. Это ваша основная цель летуны — отметьте их на своих полётных картах». Мы с Сергеем достали свои планшеты и отметили эти две цели. — А вот здесь в Осиновке у Тухачевского расположен штаб и склад с боеприпасами, — это тоже ваша цель летуны, — Антонов снова ткнул в карту свой указательный палец. — А нельзя ли подробнее отобразить Осиновку — начертить «кроки», — попросил я атамана Антонова. Петрович достал из своего планшета чистый лист бумаги и быстро набросал на нём «кроки» села Осиновки, с изображением целей для воздушной атаки и румбы. — Вся надежда на вас лётчики, справитесь с артиллерией и складами, всего то три цели, и тогда — будем жить — улыбнулся нам Петрович. Я кивнул головой и, оглядев командиров спросил: — Но, и от вас нам также потребуется помощь для расчистки взлётной полосы от снега и бурелома, — необходимо нам оказать помощь! Иначе никак не взлетим! — За этим дело не встанет, — ответил за всех атаман Антонов, — ваш вылет соколы должен состояться не позднее 12 часов по полудню, иначе, и он провел ладонь по горлу, — всем конец, Тухачевский применит — газ фосген и всем — конец! — Ну что ж, тогда по коням! — ответил я и обвел всех, взглядом. Сергей улыбнулся и хмыкнул: «Вперёд и с песней

под облака»! Опять был пеший марш-бросок, через тамбовский лес, но уже по проторённой тропе! Где-то, через час, мы были с Сергеем, уже на нашем полевом аэродроме при полной форме, утеплённые в дарственные полушубки, с планшетами через плечо. Наш благородный Ил одиноко стоял в конце импровизированной взлётной полосы. По моей команде, бригада молодых парней, с окладистыми бородами, которые уже ждали нас, греясь у костра, приступили к работе по обустройству полевого аэродрома. Бригадиром у них был назначен Генка, которого мы заранее проинструктировали, что да как. Генка должен был лететь с нами в качестве «штурмана», что бы мы зря не жгли бензин? На этом настоял осторожный Петрович! Да и ладно, пусть покатается в кабине стрелка – перегрузка небольшая – но центровка может пострадать? Одна бригада аэродромной команды готовила полосу – волокушей утрамбовывая снег, и засыпая ямы отогретой кострами землёй. Другая команда рубила деревья в конце взлётной полосы, а третья готовила дрова и готовила жаркие угли для подогрева мотора нашего Ила. Работа кипела! Я зорко следил за температурой горячего воздуха, который поднимался вверх от тлеющих углей обильно собранных в круг, под двигателем с открытыми капотами. Солнце уже поднималось к полудню, а температура головок цилиндров оставалась катастрофически низкой. Легкий ветерок выдувал весь жар углей в сторону от мотора, часы показывали 10: 30 по местному времени. Что же делать – вре-

мени нет? Я провернул винт за лопасти, примеряясь к ветру. Винт был *«тугой»* – никак не запустить, а в 12: 15, начнётся обстрел ядовитым *«фосгеном»*. Я велел поставить защитный экран от сдувающего жар углей – ветра. Быстро соорудили нечто напоминающее футбольные ворота, на которые партизаны развесили на просушку свои бушлаты и полушубки, а сами разгорячённые продолжали работать почти в исподнем. Процесс подогрева двигателя значительно ускорился, но до кондиции было ещё далеко. Резерва времени уже совсем не осталось, и я забрался в пилотскую кабину, примеряясь к запуску.

– *«Всё хватить греть мотор – времени край. – Серёга быстро закрывай капоты, убирай к чёрту все эти тулупы, притуши угли костра снегом – готовимся к запуску»*, – Я отдал такую команду Сергею и *«штурману»* Генке Козлову соответственно! Генка понял мой приказ по-своему и быстро забрался в кабину стрелка, на отведённое ему там Сергеем место. *«Чёрт с ним, пусть там сидит»*, – чертыхнулся я про себя, а то ещё под винт попадёт ненароком. Сергей все мои команды выполнил изумительно быстро и тоже угнездился в своей потесненной кабине стрелка. Вроде всё в порядке, но риск огромный, сжатого воздуха в системе всего на две, ну максимум на три попытки. Нормально подогреть двигатель и масло с помощью костра на морозе всё равно невозможно – нет времени! Нет, не случайно, мой техник – Толик Потехин, пыжился поставить на *«нопа»* баллон сжатого

воздуха – дурной знак? Баллон бы нам сейчас крайне пригодился, но он весит 100 килограмм не меньше, да и куда его было приткнуть в Ил, в перегруженную бомбами машину? Впрочем, можно было подцепить баллон в один бомбодержатель под брюхом – запоздало подумал я, на место одной бомбы «ФАБ», и всё? Все эти запоздалые мысли в голове из-за нервов? Что-то я стал чрезмерно суеверным, но глядя на температуру головок цилиндров едва прогретого мотора, меня охватывала паника: «*Попытка не пытка*», но если стравлю воздух, то будет не ИЛ – 2, а памятник нам в прямом смысле слова. И под этим памятником, нас и схоронят партизаны! Это я совершенно точно понимал сейчас сидя в пилотской кабине. Никакие оправдания тут естественно не помогут, так что от результата запуска нашего авиационного мотора напрямую зависит жизнь его экипажа. Я даже пока не думал о возможности взлёта с этой импровизированной полосы, пусть этот вопрос останется на совести Сергея – как «начальника» аэродромной команды. Интересно, Сергей хоть понимает, чем для нас грозит неуспешный запуск нашего мотора АШ – 82, думаю, что понимает, но вида не показывает. Ждать больше нечего, температура головок цилиндров застыла на отметке плюс 5 градусов, и это только под контрольной свечой нижнего цилиндра, как раз под жаром кострища, а остальные 13 горшков ещё покрыты инеем. Я послунывил палец и задрал его, «*щупая*» явно стихающий ветер, шурясь, взгляделся в выжидательно застывшие пыль-

но-голубые изломанные вершины деревьев в конце ужасно короткой взлётной полосы. Да ладно, «*семь бед, – один ответ*»! Я скинул лётный шлем, высунулся по пояс из кабины, огляделся. – *Ну?* – отозвался из своей кабины Сергей. – *Баранки, мать твою гну! Стар-ии-на!* Ещё раз взглянул на угли припорошённого снегом костра, надежды на «*потепление*» ну ни какой и сплюнул через левое плечо и суеверно перекрестился. Тьфу ты черт, я ещё раз суеверно сплюнул и начал сосредоточенно возиться, ёрзая, пристёгиваясь, бесконечно поправляя и регулируя ремни, чашку сиденья, шлемофон, клацая переключателями и проверяя бортовые системы. Партизаны отошли на указанное загодя место и молча наблюдали за суеверным летчиком. Ждал и ветер, он действительно, не вовремя стих. Плохо! Хорошо б ветерок в лоб ровненький такой, средней силы. Ну да ладно, не ждать же лета и погоды. Ну, пора, я вскинул голову, быстро огляделся, как очнувшись, и положил пальцы на вентиль пусковой пневматической системы.

– *От винта!* Громко крикнул я через открытый фонарь кабины. Только с первой попытки, на второй уже будет «*шлѐп-шлѐп – п-ш-ш*», а уж потом будет для нас «*пи-ф-паф – ой-ой-ё-й*». Ну, славяне, к запуску? А пневматики колёс маленько приспустились, удлинится разбег? Впрочем, на такой полосе оно и к лучшему... Хотя б смесь из цилиндров амортизаторов при тряске не повыбивало, тогда уж точно им всем... Додумать я не успел. Над головой кто-то тяжело длин-

но выдохнул. Я даже не успел сообразить. Началось, сжатый воздух устремился в цилиндры. Началось! Густое мощное шипение, возникнув в глубине мотора, тряхнуло застывший в ожидании ледяной воздух и, набирая силу, понеслось над лётным полем. Винт тупо скрипнул, качнулся, и широкие чёрные лопасти, подрагивая, описали в тягучем шипении медленный круг, затем винт глухо гудя уже вращался, уже посвистывал испаряемый лопастями воздух, и сами лопасти под аккомпанемент барабанного перестука поршней и металлической дробы клапанов таяли, расплывались в мигающую завесу. Палец чуть дрожал на лапке магнето, с-по-кой-но, только спокойно... Три, четыре... ни секундой раньше, ни секундой позже... Шесть... Только с одной попытки, восемь... Та-ак... Пора! Магнето в положение 1+2 вправо! Ну? Вспышка зажигания, заслонку дросселя. Регулятор смеси... Сейчас, сейчас... Задрожали педали. Ба-бах! Первая вспышка смеси в пятом цилиндре взрывом ударила по обнажённым нервам. Забрал! И когда в патрубках оглушительно рвануло, и липкий, плевков плотного синего дыма влипился мне в лицо, и я едва не заплакал от счастья! До боли, до вспышек под веками зажмурил глаза, не веря себе, а мотор, оживший мотор уже яростно и освобождённо ревел, трясаясь под капотом, грозно сотрясая окрестности, изредка чем-то давясь, и тут же прокашливаясь, стреляя давно холодными свечами и плюясь уже горячими масляными брызгами и всё быстрее и уверенней набирая былую мощь. Согревающийся мотор

радостно и нахально орал на всю округу. На взлёт, Всё! Теперь уже отступать некуда. Я порулил до кромки взлётной полосы и, лихо развернувшись на месте, обдал моих наблюдателей – молодых партизан – снежным бураном, и тут же не останавливаясь на исполнительный старт, сразу покати́лся по взлётной полосе. Ил набирал скорость рывками широко раскачиваясь и трясясь на ухабах – неудержимо наращивая скорость, и летел в стену мрачного леса, в огонь взрыва, и я упрямо ждал... И тогда, я плавно, как учили, чуть отдал ручку управления и, когда самолёт послушно приподнял хвост, решительно взял её на себя! ИЛ напрягся, я слепо видел лишь налетающий поверх капота чёрную стену леса, стену – приговор, – всё, не успеть... Дробный, вибрирующий грохот прыгающих колёс. – Кратчайший перестук измученных амортизаторов. Снарядные удары мерзлых камней в бронированное брюхо. Тугое биение ручки управления в ладони... Надсадный рёв почуявшего гибель мотора... Есть! Чёрная стена тамбовского леса ухнула куда-то под мотор, разом с мгновенно наступившей тишиной. Тишиной?! Да! В мощном рёве мотора пела тишина – могучая, торжествующая тишина освобождённого полёта. Самолёт набирал высоту, ревя полным газом над широко раскачивающимся внизу дремучим лесом, и небо раздвигалось впереди.

Я плакал качая головой, и бешенные слёзы сдувало ураганным ветром, в густом рёве рвущимся во всё ещё открытую кабину, и слёзы текли, нет мчались по опалённой

морозом коже. А руки, тренированные руки лётчика, сами привычно регулировали поступление смеси, подбирали шаг винта, убирали и контрили шасси. – Как мне жить теперь, как жить... Эх Тоня – Тоня – Тонечка, теперь ты уже не дождёшься меня после полёта, – прощай – Любовь Моя, – **Бони М!!!** А сзади чем-то давно уже колотил в бронестекло-перегородку меж двух кабин, призывая командира борт-стрелок. Я обернулся. На меня в упор, глаза в глаза глядел старшина и на глазах его блеснули слёзы. Но, он пальцами показывал мне что-то и стучал по своей голове. Ах да, подключить фишку шлемофона к радиостанции и «СПУ». Я продохнул воздух, рывком отвернулся, махом надвинул над головой фонарь, и наконец одел кожаный шлем и подключил фишку к радиостанции. – Вот сволочь, а? Гад. Подонок, втянул меня боевого офицера в эту авантюру. Подумать только – в гражданскую войну... И я нажал кнопку «СПУ». – *Серёга, ты живой? Не заложило ещё уши. Ах да прости, прости, я совсем забыл, что у тебя изнурительный насморк, надеюсь, не забыл, как надо продувать уши? Зажал ноздри пальцами и дунул в нос, пока не щёлкнет в ухе – орал я в «СПУ». – Чего орёшь в эфир, перепонки аж заболели, лучше следи за курсом, опять заблудишься, бензина ведь жалко Б – 95/130, где его здесь раздобудешь? Конец связи!* – насморочно прогундосил в наушниках Сергей жизнерадостным голосом, также весело торжествуя в душе маленький праздник – цена которому Жизнь! Я как всегда, быстро

огляделся в поисках противника – инстинкт полёта, сросся с инстинктом поиска врага, и поняв это я рыкнул, и поставил закрытый фонарь на стопор. – *«Сволочь! Убийца! Предатель»!* – заорал я на всю кабину и с размаху ударил себя кулаком в щёку. Самолёт мотнуло влево и он ухнул на крыло. Я сморщился от боли, как от зубной боли, замотал башкой и уже в «СПУ» прорычал: – *Вот теперь точно всё! Вот теперь мы победим!* И отключившись тихо простонал: Эх Тоня, Тоня – (Бони М) – где в каких краях встретимся с тобою... И я бережно достал из нагрудного кармана фотографию моей любимой, но почему-то маленькой девочки с огромным подкрашенным краской красным бантом на голове и дико и неудержимо рассмеялся. Благо никто не услышал мой гомерический хохот Одиссея, который увидел в первый раз свою любимую Пенелопу – двадцать лет спустя после Троянской Войны... Перевалив кромку леса я снизился до бреющего полёта гоня перед собой мощную волну рёва и свиста – как *соловей – разбойник*. Откуда-то спереди сбоку под крыло вынесся неподвижно застывший на бело-сером снегу, здоровенный жёлто-коричневый лось, задравший вверх свои огромные рога. Перепуганный неслыханным громом, он метнулся в сторону и понёсся, сшибая всё на своём пути, как угорелый, вдоль лесного массива. Я засмеялся глядя через борт. В наушниках зазвучал гнусавый голос: – *Дай время пролёта траверса Осиновки!* – *Расчётное время?* – я коротко взглянул на бортовые часы – *«Три с четвертью минуты».*

– Понял тебя 3: 15 минуты. Подставишь мне цель левым бортом, так мне будет сподручнее работать, – да и Генка – собака мешает. – Хорошо. Принято, – левым бортом! Сдуваемый ледяным ветром из невидимых щелей кабины, по лбу и переносице ползли, мелко дрожа капли пота. Я смахнул ладонью лицо и прицелился, не глядя врубил эл. питание «стрельбы». Впереди серым пятном наплывала деревня Осиновка – осиное гнездо! – я хохотнул и бросил взгляд на «кроки» целей и полётную карту. Сразу увидел обе цели: – «оба незамаскированных дивизиона миномётчиков» – всё точно изобразил Петрович! – Что же вы даже маскировочную сетку не накинули? Глупо попались! – прошептал я вслух. Они, точно они, но нужно рассмотреть поближе, на втором круге и начнём работу. Рука сама зло толкнула вперёд сектор газа, ИЛ с густым рёвом пришпоренного мотора под-взмыл, и мгновенно, ошеломительно, распахнулась вся панорама боя. – Выходим на цель, смотреть в оба и не стрелять без моей команды! – Понял, Алексей, не стреляю! – загремел в наушниках Сергей. ИЛ мчался в полном наборе, выходя на позицию атаки, примеряясь. – Смотри слева твоя цель – группа всадников, моя цель миномёты! – отдал я команду по «СПУ», уже возбуждённым срывающимся голосом. – Спустишь пониже свеча-раз! Посмотрим на шапки и на звёзды, как бы не спутать ненароком со своими. – Откуда здесь свои! – что бинокли не видишь – рассердился я не на шутку, ещё один круг – а бензин? – Ладно,

держитесь больные по зрению! Я убрал газ, облегчил винт, закрыл заслонку маслорадиатора, отдал ручку чуть от себя и резко вправо и одновременно дал левую педаль: получил-ся – «Эмельман» с резким снижением. Машина со скольжением устремилась к земле. Высота стремительно падала. Заложило уши. У самой земли выровнял ИЛ и выполнил боевой разворот. Так теперь пройдем над головами – кто тут Тухачевский, где здесь латыши – наёмники, это я прилетел к вам *«соловей разбойник»* и вам хана, всем хана – *«газы»* понюхайте сами! Высота 15 метров, мелькнула группа, очумелых всадников – приветственно махающая руками и папахами (ах да, ведь на крыльях у нас красные звёзды). – *Ну что просёк свою цель – концевой?* – спросил я, плавно вытягивая ручку на себя и выполняя горку с переворотом. Доворот! Так! – *Выхожу на цель! Боевой курс! Внимание Атака!* – хрипло кричу в «СПУ» – пришло наше вр-е-мя – до-ре-ми-фа- соль! – закладывая глубокий вираж. А вот и мои дивизионы миномётчиков – прямо по курсу и я замороженно потянулся вперёд, впиваясь взглядом в невероятно быстро растущую цель *«осиное гнездо»*. Палец на гашетке, высота 300. Капли пота катились по щекам, как слёзы, дёргал кожу под защёлкой шлемофона то ли желвак, то ли рвущийся нерв, губы беззвучно шевелились в ровном рёве мотора. Я впился в прицел, и чуть отдал штурвал. Ощерившись, во-гнал гашетку в ручку: – А н-н-на!!! Воздух лопнул, в рваном грохоте ввинтился в горящие шнуры и трассы, как строчки

швейной машинки «Подольск»,

и с ювелирной точностью взорвал я первое «осиное гнездо» минометчиков, и спустя 30 секунд на до-вороте, превратил в «АД» второе «осиное гнездо» и резко с перегрузкой рванул вверх, чтобы не хлебнуть «горчишный газ» – Фосген (он тяжелее воздуха и стелется как туман). – «Что не ожидали сучары» – злорадно язви́л я в горячке боя. А теперь по штабу, пока не опомнились и по складам – что же вы суки противогазы то не взяли? Даже Гитлер не применял газы – а ведь мог! Крутой до-ворот с набором высоты, крен 90 градусов. Земля наклонилась – закрыв небо. – *Серёга лупи, мать твою за ногу* – рычу я как зверь в «СПУ», – в наушниках нечленораздельное мычание и обрывки слов: – *Держи вираж, левую ногу дожди, доверни ещё, ещё круче, так!* Машина вся затряслась, крупнокалиберные пули воющим градом хлестанули по сборищу генералов, полковников и прочим штабным крысам, срезая как косой, их строй под корень. Так! Так! Ручка на себя, полный газ, восходящая горка с переворотом и снова пикирую на цель, плавно входя в крутой вираж. Снова оглушительно заработал «УБТ», перегрузка вжимало моё тело в чашку сиденья, позвоночник скручивался в жгут, трещали кости, темнело в глазах, но это ещё не предел – терпимо! Чуть, чуть ослабил ручку, главное сейчас не мешать Сергею... Через мерцающий полукруг винта увидел на миг результат своей Атаки! Пор-рядок! Отметило сознание, ощущение праздника подкатило к гор-

лу. Ага-а! рванули, тарраканы! Поздно служивые, всё поздно, мы уже тут, и вам хана! Из озарённой белым пляшущим пламенем ствола бортового пулемёта потянулась пологая дуга трассирующих крупнокалиберных пуль, предельно точно, с расчётом, ювелирно прошивая удирающих аллюром всадников, сшибая их с сёдел, срывая головы, разрывая на части тела. Дикий животный ужас увидел я на миг на лицах всадников, проносясь чёрной смертью в 10 метрах над ними. Послушный моей руке ИЛ снова взмыл в ослепительную высоту, золотым сверкающим дождём за нами сыпались стрелянные гильзы. – *Давай опять левым! Курс 80* – хриплый лай Сергея в наушниках, и далее несуразное: – *Ага, удирать собрался сучара! Тащи его сюда! Тащи его сюда!* И я понимая его желания, выжимал из машины всё на что она способна, на что я способен! Я слился с ней воедино, я стал её частью, одухотворённой частью кипевшей яростью боя! И наш пулемёт извергал крупнокалиберные трассирующие пули, воющим градом всё круша и прошивая на своём пути. Чадающим факелом запылала прошитая насквозь изба сельского клуба – штаб и склады Тухачевского. Там что-то рвалось и горящая балка – прощальным салютом, с быстротой летящей биты, как сорванный пропеллер помчалась за нашим Илом. Но, куда там – отстала, превратилась в горящую спичку и в миг исчезла... А за спиной непрерывно грохочет «УБТ», старшина зажав в упоры трясущиеся в отдаче плечи, перекидывает с борта на борт раскалившийся на ледяном, воющем

ветру пляшущий ствол. Полу-ослеплённый жгучим весь рас-
проклятый мир бешеным факелом, рвущийся из обезумев-
шего пулемёта, он отчаянно сечёт как мечом, как косой, как
плетью, беззвучно молясь и матерясь. Успеть выйти на цель,
вырвать миг, что бы всем телом, душой навести не само-
лёт-себя навести! – и не промахнуться.

Но всюду смертные тени, размазанные скоростью, в мель-
кающие в диких ракурсах и отсветах боя... ЭЭЭХ —ЭХ
не дообедал нынче Тухачевский, зря «горчицу» приготовил.
Чёрной тенью в блеске винта проносится наш ИЛ в почётном
круге на крутом вираже! Небо снизу, земля сверху, как сер-
пантин сматывается в ленту поле нашего боя. Это наша вой-
на! Это наша личная война, которую рок любезно разрешил
нам провести, что бы исправить несправедливость в этом
Мире. – Такие мысли переполняли меня в эти минуты, в эти
мгновения. – *Всё Сергей уходит! Порядок! Отличная рабо-
та!* Небо и земля опять поменялись местами. – *Тебе спасибо
командир! Красиво разрисовал пейзаж – натюрморт, с гвоз-
дикой!*

Металлом блеснула узенькая речушка, покрытая блестя-
щим как ртуть льдом. До-ворот на обратный курс. Остаток
топлива – хорошо! Ещё на один такой вылет хватит... На-
бор высоты до 1200 метров и пологое планирование с мото-
ром на малом газе, пускай мотор немного отдохнёт (хороший
14-ти цилиндровый мотор сконструировал Швецов). Нако-
нец увидел проплешину нашего аэродрома с высоты птичье-

го полёта. Чуть повернул, что бы вписаться на прямую посадку. Как здесь ветерок работает? Ага, понятно! Гася скорость, выпустил закрылки по всем правилам. Кран выпуска шасси – сдвоенный толчок, шасси встали на замки, зелёные горят. Слева у самой консоли, пролетели изломанные косые контуры величественных кедров, навстречу наплывает белесая лента взлётной полосы. Мотор прерывисто прохлопывает на малых оборотах – «тарарах – трах – тарарах»... Я вытягивая шею, держал *«хитрый газ»* и ждал, ждал... Полоса! Ручку вперёд и на себя, газ убран, ИЛ просел. Ручку на себя всю, та-ак. Касание! Стоп-кран мотору. Сдвоенно, бахнули колёса, кричающий удар амортизаторов, по плоскостям drobный грохот мёрзлого грунта, комья снега, вылетающие из-под подпрыгивающих колёс. Педалями – правой, левой, опять правой, ещё! И все ладонью красную скобу тормозов – мягко, но до упора! Дёргаясь, трясясь, дребезжа обшивкой, штурмовик неся вихляя по полосе и наконец, встал. Замер. В тишине. Оглушительной, звенящей, уму непостижимой тишине. Я медленно стираю сочащуюся из губы кровь, тупо гляжу вперёд, где метрах в двадцати зловеще чернела стена леса. Белая лицом, Сергей Орлов, зажмурившись, лежал затылком на бронеспинке. Горе – штурман Генка Козлов, сидел на полу у его ног, привалившись спиной к ногам Сергея, и ничего этого не понимал (это его счастье) – это был его первый боевой полёт. Если не удлинить полосу, метров на 20, то садиться и взлетать так, – смерти подобно,

так думал я. Повезло, что практически пустые без бомбовой нагрузки, и с мизерным остатком топлива. Нужны топоры, пилы, раскорчёвка пней, уйма работы и авиационный высокооктановый бензин Б – 95/130, ведь остаток бензина всего на 1 час полёта. Я рывком открыл фонарь кабины, свежий морозный воздух, пропитанный густым запахом хвои освежил как пульверизатором моё мокрое от пота лицо. Я расстегнул привязные ремни, и вылез из кабины. Свинцовая усталость сковала моё тело, а нам надо ещё топтать до зимовья. Но, делать нечего, перекинув через плечо ремни планшетов, экипаж, в составе трёх человек – направился домой, по утоптанной тропе.

Только в землянке, выпив целый чайник ароматного чая с лимонником, свинцовая усталость отступила, сменившись на эйфорию. Разложив полётные карты на столе, я нудно начался *«разбор полётов»* – обязательное правило! Сейчас перед нами стояли сложные задачи и одна самая главная – что дальше делать? Нам нужна подходящая поляна – «запасной аэродром», в районе «Осиновки», там есть железнодорожная ветка, на которой стояло несколько вагонов. – *Эх надо было сделать круг и осмотреть всё сразу* – с досадой думал я. – *Что же ты штурман не подсказал?* – укоризненно покачал головой, Сергей толкнул локтем Генку. Генка Козлов, оторвав свой нос от карты, которую он тщательно изучал, и округлив глаза недоумённо посмотрел на наши серьёзные лица: – *Я? – подсказать? – А то кто же? Чья это обя-*

занность в экипаже? – Стукнул ладонью по столу Сергей. Кто должен думать в полёте о погоде; о магнитном склонении; о девиации; об изогонах; об остатке топлива; о запасных аэродромах – наконец. Кроме этого делать расчёт на посадку, расчёт безопасной высоты, подсказывать обратный курс – борт-стрелок что ли? И вообще? Что ты делал в полёте? Катался как мячик у меня под ногами! И чуть было не вылетел из кабины – если бы, я тебя не схватил за шиворот. Так бы и улетел за место бомбы Тухачевскому на голову, – была бы хоть какая польза от тебя – полусерьёзно горячился Сергей. Генка как сова хлопал своими белесыми ресницами и тупо водил головой глядя то на меня, то на Сергея. А Сергей, уже, вошёл в штопор и кажется, перешёл грань и злился на Генку всерьёз, зашипел сузив глаза: — Ты думаешь я забыл как ты меня на мушку брал там при встрече на лётном поле! – А ну хватит! – стукнул я кулаком по столу, – нашли время – ссорится, – мне только мысли сбиваете пустой болтовнёй – закончил я эту нелепую дискуссию. – В общем, диспозиция такая. – Ты Генка, достанешь лошадь, а лучшие две, и с Сергеем и парите в Осиновку и ищите там отличную площадку для взлёта и посадки, да ещё бензин и масло для нашей «лошадки» (машины ведь у них на чём-то ездят, да и видел я там одну машину). И что бы никаких обид и ссор в экипаже – а то устрою вам обоим трибунал! А я сам, тем делом, вырубаю пару самых длинных сосен в конце полосы, да и кустарник подруб-

лю, что бы, не угробиться при взлёте и посадке, – мне всего то, два метра не хватает высоты, что бы, не цепляться колёсами за ветки. После этой моей пламенной речи, – голубые глаза нашего горе-штурмана мигом просохли от слёз, которые вмиг заструились после нравоучений «отца» Сергея. – В общем, Москва слезам не верит, хватит вам хныкать, «тяжело в ученье» но зато легко в бою, – закончил я этот нелепый «разбор полётов». – Ничего, ничего, большие поплачет – меньше пописает – не унимался Сергей. Ну, находит на Сергея такая блажь, что даже мне приходится его иногда перевоспитывать. Корчит из себя, иногда «Великого Учёного». Да! Закончил он до Войны «МГУ» (кто не знает – что это, «Московский Государственный Университет» имени Ломоносова), причём самый трудный факультет «Физ-Мат», в голове у него одни дифференциалы, да криволинейные интегралы, но правда физику знает неплохо!

Но и я «не лыком шит», за два года до Войны, я закончил «*Политехнический Институт*» по специальности – «*Энергетика*». Это не мёртвая наука, – а Наука движения, почти живого организма. Котлы. Турбины. Пар. Тепловые машины – «Термодинамика», те же дифференциальные уравнения, точнее критерии подобия, а – это всё жизнь, точнее – подобие жизни! Так что с Сергеем мы были в теории на равных, вот почему и попали в один экипаж. Все мои знания, полученные в «Поли-техе»,годились мне в лётном училище, куда я поступил, после защиты диплома. В воздухе

уже пахло Войной, а в авиацию я был, как девушка влюблён с 16 лет, когда первый раз увидел самолёт. Так вот, закончив лётное училище, по сокращённой программе, я в 42-м уже прибыл в действующую часть, и горечью 25-ти летнего парня осознал, что собою меня на 10-м, ну 12-м вылете. Такова была фронтовая статистика тех дней! Теорию Вероятности я изучил в Вузе неплохо! Что делать, как выжить в этой мясорубке, не нарушая устав и *«наставления по производству полётов»*, да ещё успешно громить фашистов? Когда прошёл мой 5-й боевой вылет, и смерть явно заглянула в мою кабину, я понял, что так, как рекомендуют командиры и *«НПП»*, летать нельзя, – статистика – упрямая наука! Тут и пригодилась мне высшая математика и теоретическая механика, точнее её раздел – «динамика». Вместо того, что бы принимать за ужином, свои фронтовые 100 грамм – технического спирта, я сидел в учебном классе и штудировал тактику боя! И находил огромные золотые жилы! Когда поделился своими идеями с командирами, то столкнулся с полным непониманием – точнее с глухой стеной. Меня сержанта – *«желто-ротика»*, во-первых обсмеяли, а во-вторых сказали, что за эти *«фокусы»*, я мигом попаду под трибунал или, что хуже в «штрафбат», а там вероятность быть сбитым 100-процентная! Тогда я разработал личную тактику боя, обходящую как *«трибунал»*, так и вероятность быть сбитым. Это как боксёр придумывает свои финты, в пределах правил, но между тем позволяющие ему выигрывать поединки на ринге у про-

фессионалов. Правила мне выдавал «Устав» и «Наставления по производству полётов». А «профессионалами» были немецкие «Асы» – «Эксперты» по «ихнему», да ещё немецкие зенитчики. Вначале меня поносили на разборах полётов командиры звеньев, да майор – «особняк», и единственным моим адвокатом – была моя результативность! Когда первый раз «особняк» вызвал меня и прищутив глаз спросил: «Почему ты бросил строй»? я не моргнув глазом ответил: – *Чтобы спасти жизнь командиру полка и срезать е его хвоста БФ – 109 (мессера). Эту победу, уже записали в мою лётную книжку.* Особняк, хмыкнул – Ты чо, истребитель или штурмовик? – *И то и другое* – ответил я потупив очи. Особняк поперхнулся дымом и судорожно закашлялся и махнул рукой – иди, мол, пока погуляй! Так что – пронесло! На втором «собеседовании» с майором, оправдание было покруче. – *Что бы разбомбить мост, по которому промазал весь полк и заодно «завалить» «фоккера»!* – Ты что прикажешь награждать за твои фокусы и нарушения устава!? Я опустил голову, но тут, без стука, зашёл командир полка «Батя» и протянул телеграмму от Генерала Конева – наградить «Звездой Героя», за взорванный мост, Ил – 2 с моим номером, и ему доложить лично!

Особняк так-то по детски «*крякнул*» и махнул рукой, и я пробкой вылетел из его кабинета. С того времени, меня сделали командиром отдельного звена – и ночником в довесок и наградили Звездой Героя от Конева и присвоили погоны

капитана...

С тех пор, да с «академиком» Сергеем, я стал героем среди лётчиков. Шутка ли 10 сбитых фашистских самолётов, и 90% уничтоженных целей, по теории вероятности, иными словами стал самым результативным лётчиком полка. И не смотря на это, мою стратегию и тактику, за глаза, называли – «циркачеством». А на самом деле это был лишь точный расчёт, да знание аэродинамики, плюс психология противника, а главное мастерство пилотирования, да запредельные перегрузки и в конечно скорость реакции. Эти мысли вихрем пронеслись в моей голове при созерцании крокодиловых слёз Генки. Поэтому я не стал ругать Сергея за явный перебор в воспитании подростка. Я помнил как я сам, с садистическим удовольствием доводил Сергея до исступления, да и самого «Батю» в придачу, когда «Батя» орал на меня, с красным – как свекла лицом, что отдаст меня под трибунал, если я ещё раз привезу полный боекомплект патронов к пулемёту стрелка. На что я обиженно отвечал «Бате», что все цели были уничтожены курсовым оружием и бомбами, а стрелять в воздух я не намерен и что патроны надо экономить. В общем, обучать Сергея приходилось долго, пока он не научился стрелять без промаха одной короткой очередью. А сколько было истерик, когда я выливал его фронтовые 100 грамм в свою бездонную флягу (про запас), которую разрешалось выпить, только когда погода долго держала нас на земле. А как же иначе, скорость реакции от 100 грамм

технического спирта на следующий день снижается с 0,2 секунды до 0,7 и эти добавочные доли 0,5 секунды, катастрофически работали против наших жизней, причём до **40%** вероятности быть сбитыми.

Мы сидели за столом и потягивали чай с лимонником и одновременно изучали рельеф местности Осиновки – глядя на полётные карты. Наконец я не выдержал и сквозь зубы процедил: – *Да здесь, плюс-минус метр! Всё! Завтра вы оба отправляетесь в Осиновку и найдёте там посадочную площадку. Как поняли? – Так точно – поняли, и бензин тоже! А если там непорядок и недобитые банды рыщут по лесу, – задумчиво поскрёб ногтями свою небритую щеку Сергей – здесь ведь телефона нет? – Не мудри концевой, никого там уже нет, после нашей атаки, видел же сам, как всё там накрылось жёлтым ядовитым туманом – как по заказу. Завтра уже всё рассеется и впредь с песней, под облака, а потом прилётит Генку с «кроками» и порядок. – С чем, с кроликами? – переспросил Генка и уставился на меня своими голубыми глазами и нелепо, хлопая своими белесыми ресницами. Я заскрипел зубами, но промолчал. – Крольча-а-а-тинки! – захотелось командиров, – хохотнул Сергей. Неожиданно распахнулась дверь в землянку и в облаке тумана к нам влетела молодая Фея и как бабочка замерла – застыв на пороге. От неожиданности мы окаменели. Немая сцена – «Не ждали»!*

Правда старая истина, что женщины без мужского обще-

ства блекнут, а мужчины — глупеют. — Эта правильная мысль с быстротой молнии пронеслась в моей многострадальной голове, и я вскочил как оловянный солдатик. — *Здравствуйте!* — хриплым казённым голосом — я приветствовал гостью. Вот так иногда бывает в жизни; едешь в метро или трамвае, и вдруг увидишь незнакомку, увидишь её глаза и кажется, готов глядеть в эти глаза хоть всю жизнь! А она через миг исчезнет в толпе, и ты даже не знаешь кто она, откуда.

После таких встреч — становится ужасно тоскливо на душе. Может быть, это была твоя судьба, а ты даже не знаешь её имя. — *Здравствуйте господа лётчики,* — явно волнуясь, прошебетала девушка и улыбнулась нам, смущённо, сверкнув жемчугом зубов. — *«Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, как мимолётное виденье, как гений чистой красоты»* — задумчиво, хриплым шёпотом, продекламировал Александра Сергеевича Пушкина — Сергей, и с быстротой курьерского поезда подскочил к девушке и галантно предложил ей раздеться и попить с нами горячий чай. — Я не могу сейчас, мне нужен наш командир Антонов, причём немедленно! — *«Мгновение остановись — ты прекрасно»*, — не ударив в грязь лицом, — я также продекламировал Пушкина, и схватившись за свой давно не бритый подбородок, приветственно улыбаясь, на одеревеневших вмиг ногах, подошел к молодой девушке, и взял её за руку. В этот миг, через наши руки проскочила искра, и моё сердце лихорадочно забилося

в груди! – Вам о милое создание, придётся подождать у нас Антонова, так как он – вероятно, ещё очень занят боевыми действиями в Осиновке, 2-х часов ещё не прошло, как мы прилетели, а пока раздевайтесь и к столу, а затем поlechите нас. – Но я действительно сейчас никак не могу, – округлив по-детски глаза, запротестовала девушка. Белокурая прядь волос, завитком опускалась на её белоснежную шею, на которой мило пульсировала голубая жилка. Я позавидовал этому локону и хотел быть на его месте. – Вы что ранены? – серьёзно спросила она. – Да я ранен прямо в сердце, огнём ваших трассирующих глаз, – и притянул её тёплую ладонь к своей груди, – слышите, как оно часто бьётся, как птица в клетке, – у лётчиков так не должно быть! – Да ну вас, я серьёзно, – девушка несильно потянула свою ладонь от моей груди. Я, очумело стоял, и молча глядел в её бездонные голубые глаза. Сергей хмыкнул и как-то странно посмотрел на нас, при этом сам окаменел как истукан. Её щёки вмиг загорелись румянцем, и она смущённо опустила свои пушистые ресницы... – Но я правда не могу ждать, меня ждут раненые, – смутилась она ещё больше. Я покачнувшись неуверенно отпустил её руку и, сделав несколько неловких шагов, сел на свой импровизированный стул. – Вам плохо? – неуверенно спросила девушка. – Нет мне очень хорошо, но я действительно ранен, огнём ваших глаз – ответил я пересохшим вмиг, от волнения языком. – Ну, тогда я пойду? До свиданья, – смутилась она. Её глаза в этот миг излучали тот та-

инственный огонь, от которого волнительно кружилась голова. — *Кажется, я вошёл в штопор* — едва слышно прошептал я. — *Что вы сказали?* — переспросила она. — *Да! можете идти, слезами тут горю не поможешь*, — сухо, по-военному разрешил Сергей. Девушка лукаво улыбнулась и как бабочка упорхнула из нашей землянки, запустив в дверь облако тумана. — *«Туу-манн, туу-манн, — слепая пелена, а всего в двух шагах, за туманами война. И гремят бои без нас, а за нами нет вины. — Мы к земле прикованы туманом. — Воздушные работники Войны»*. — Задумчиво пропел куплет фронтовой песни Сергей.

Мы с Сергеем переглянулись, без слов понимая мысли, друг — друга. — *Хороша! Есть же девушки в русских селеньях*, — с восхищением промолвил Сергей. — *Как её зовут — штурман? Кто она? Надо же, даже не представились!* — спросил Я. Генка, отмахнулся рукой, внимательно что-то изучая на полётной карте... — *Это наша врачиха — Настька*, — не отрывая глаз от карты, нехотя пояснил он, и стал что-то быстро записывать в свой блокнот... — *Надо говорить — Настенька!* — поправил я Генку. — *Э-э, она вредная и злая, знаешь, как она больно делает уколы!* — пренебрежительно отмахнулся Генка. Мы молча пили чай вприкуску с сахаром, каждый думал о своём...

Только к вечеру прибыли командиры отряда, возбуждённые боем, пропахшие порохом и дымом. Антонов приветствовал нас взмахом руки и крепким рукопожатием. Все ста-

ли шумно раздеваться, тихо переговариваясь. Когда все расселись за столом, Антонов начал рассказывать о сражении – охрипшим голосом. Наша штурмовка произвела на бойцов нешуточное впечатление. Практически никакого сражения даже не было? Армия Тухачевского практически была уничтожена ядовитым газом. Партизаны просто подождали с подветренной стороны, пока жёлтый туман не рассеется, а затем вошли в село и взяли без боя в плен, тех, кто остался в живых. Таких ошеломлённых осталось всего несколько сотен. Штаб Тухачевского был разгромлен, все его телохранители из латышских стрелков были отравлены газом, впрочем, как и сам Командарм. Многие офицеры, оставшиеся в живых, сами застрелились, такое жуткое впечатление произвела на них наша воздушная атака. В итоге армия Тухачевского без единого выстрела была разгромлена. Партизаны в упор смотрели на нас как на богов, способных одним движением руки уничтожить полки противника: – «Сынки! Я надеялся на Вас. Здорово надеялся! Не скрою, были и у меня сомнения относительно вашего происхождения! Но, то, что вы сделали за пять минут, не смогла бы сделать целая наша армия. Кто придумал этот летающий танк, я должен знать его имя!» Мы с Сергеем переглянулись и я слегка волнуясь сказал: – Этот самолёт сконструировал наш соотечественник, – инженер Илюшин, больше ничего конкретного сказать не могу.

Но скажу только, – что это опытный экземпляр, се-

годня проверенный в боевых условиях. Мы должны его вернуть конструкторам на доработку или сжечь при невозможности перелёта, что бы он, не достался красной армии Троцкого. Топлива у нас осталось на час полёта, да и боевых патронов мало. Сжигать такой аппарат у меня рука не поднимается, а вот если раздобыть бензин, мы бы тогда смогли бы перегнать его на базу. Поэтому наш вопрос упирается в топливо. Понятно, что нам нужен особый авиационный бензин, не такой который применяется для авиации в красной армии, поэтому боевые действия без мощного мотора исключены – это же всё-таки тяжёлый бронированный танк. Петрович, встал, достал из полевой сумки наши именные пистолеты «ТТ» и отдал их нам, затем пожал обоим нам руки и, взглянув пристально мне в глаза сказал: – Я до последнего не верил в вашу миссию, пока не увидел Вас в действии. Вы спасли нашу армию от страшной гибели – от ядовитых газов, но: «Тот, кто с мечом придёт тот от меча и погибнет», так говорил Александр Невский. А теперь о деле! На станции в Осиновке есть пяти-тонная цистерна с автомобильным бензином, вот только не знаю, подойдёт ли он к вашему самолёту, но надо попробовать, действительно сжигать такую машину неразумно – она стоит целой армии! Село стоит на равнине, так что вполне возможно, что вы сможете приземлиться прямо между хат на центральной улице и опробовать этот бензин. Но этот вопрос вам надо самим решать! А теперь

главное, как полагают, ваши «белые генералы», тактика Дениса Давыдова, которая с успехом применялась при разгроме армии Наполеона, способна сегодня ли сегодня противостоять мощи красной армии, или нам всё-таки ждать 1928 года, когда придёт ваша авиационная помощь? – Разрешите мне доложить, по этому вопросу, – вдруг внезапно вскочил Сергей. – Докладывай старшина, – кивнул головой Петрович. – Наше руководство полагает, что воевать с красной армией – сегодня невозможно. Даже адмирал Александр Колчак, имея неограниченный золотой запас царского золота, не смог противостоять красной армии! Партизанское движение против власти большевиков, сегодня обречено на провал! Именно по этой причине, вам нужно применить стратегия Фельдмаршала Кутузова – сохранить свою армию, для решающего сражения. Сохраните армию, – значит, спасёте Россию! Вернуться в свои сёла, – это значит попасть в застенки НКВД и там погибнуть. Единственный правильный выход, – законсервировать и надёжно спрятать оружие, которое осталось от армии Тухачевского, и двигаться отдельными звеньями на Дальний Восток, в те сёла, в которые производил переселение крестьян, в своё время, премьер-министр Столыпин. Промедление смерти подобно! Впрочем, вам на месте виднее, как надо правильно поступить, но так решил наш генеральный штаб в Париже!

В тот же день, Сергей и Генка оседлав лошадей, отправи-

лись в Осиновку, а я и ещё трое бородатых мужиков отправились на аэродром рубить деревья, мешающие взлёту и посадке нашему ИЛУ.

Уже на второй день, рано утром, я получил весточку от Сергея, со схемой полевого аэродрома в селе Осиновка, и, не теряя времени, попросил ординарца Димитрия, помочь мне с аэродромной бригадой для подогрева мотора нашего Ила, так как время поджимало. В любой момент красные могли пригнать карателей, и тогда наша участь будет весьма незавидна. На сей раз мотор удалось подогреть практически до нормы, и я заканчивал приготовления самолёта к полёту, перезаряжал все оставшиеся у стрелка пулемётные ленты в своё курсовое оружие и к великой своей радости обнаружил один целый неизрасходованный пушечный снаряд, оставшийся в авиационной пушке. Я чуть его не расцеловал, но тут увидел бегущую по тропинке Настю и передумал целовать снаряд, а просто зарядил им пушку и вытер грязные ладони чистой ветошью. Настя подбежала ко мне, совершенно запыхавшись (скорее всего, бежала все время). Я молча уставился на её красивое лицо и ждал когда она, восстановит своё жаркое дыхание. Я как будто впервые увидел её! Глаза её светились и глядели на меня уже весело, открыто и доверчиво. И тут я точно осознал, что она мне ужасно нравится. Она действительно прекрасна как весна и оделась с таким крестьянским шиком, как будто бы собралась на свидание, Впрочем, так оно вероятно и было. Наконец Настя перевела

дыхание и сказала, что ей немедленно надо лететь в Осиновку вместе со мной – делать бойцу операцию, и что так распорядился сам Антонов. Я радостно и согласно кивнул Насте, которая была красива как богиня. В общем, и, в частности она была прелестным созданием – настоящим сокровищем, которое мне неудержимо хотелось растерзать, в прямом смысле слова, ну или просто обнять. Соловьи в моей душе, уже пели свои соловьиные трели, а я всё стоял как столб и не мог оторвать от неё своих глаз. – *Я так боялась, что не успею к вашему полёту и всю дорогу бежала,* – призналась она смущённо. Я глубоко вздохнул, отгоняя приятное наваждение и, немного пришёл в себя. – *Но Настя как же ты полетишь на боевом самолёте, ты ведь не можешь прыгать с парашютом? Это запрещено уставом!* – строго сказал я. – *А Генке значит можно?* – тут же нашлась она. Я пожал плечами и запрыгнул на центроплан и вытащил из кабины Сергея парашют системы ПЛ – 3 М. Парашют был устроен таким образом, что пилот в кабине сидел на нём (на парашютной сумке), как на подушке. Меня слегка лихорадило от волнения, я еле сдерживал себя, что бы, не обнять Настю. Между тем, я вытащил парашют и стал одевать его на Настю, стараясь сохранить на лице строгое выражение. Настя со всей серьёзностью отнеслась к этому мероприятию – примерке парашюта – как свадебному платью! – *А как им надо пользоваться?* – волнуясь, спросила она. – *Ты будешь просто на нём сидеть,* – ответил я строго и стал подгонять па-

рашютные лямки. Парашют довольно тяжёлый и мне пришлось помогать Насте, забираться в кабину стрелка, взяв её на руки, как малого ребёнка – подсаживая на центроплан. Наверное, мои партизанские мотористы, изрядно повеселились глядя на нас, но нам было всё равно, весь Мир сузился до нас двоих, во всяком случае – для меня. Посадив в кабину своё сокровище, и пристегнув привязные ремни, я все же не удержался и поцеловал её губы. Настя замерла, – заледенела, – замерзла. А я уже скатился с плоскости и возбуждённо стал давать последние указания своим помощникам.

Взгляд на фезюляж, на шасси, на трубку ПВД (приёмник воздушного давления), датчик для пилотажных приборов. Всё в порядке. Пробираясь к своей кабине я мельком взглянул на лицо Насти. Глаза её были закрыты – лицо побледнело, и две слезинки, как росинки, катились из-под её – длинных ресниц. Боится наверное? Забравшись в свою кабину и отбросив свои эмоции, начал сосредоточенно готовиться к запуску мотора. Мотор запустился с первой попытки – с пол-оборота. Через три минуты ИЛ мощно дрожал в густом рёве: Я отрешённо застёгивал свой шлемофон, зажав в зубах кожаную перчатку. Осыпав изморозь, беззвучно захлопнул над собой жёлтый фонарь кабины. Сорванный винтом снег длинными рвущимися жгутами нёсся, вихрясь, безжалостно трепля жалкие измочаленные кусты. Устраиваясь поудобнее на выстуженном парашютном ранце, который укладывала моя Тоня, я чувствовал себя предателем,

но ведь она теперь маленькая девочка, криво усмехнулся я, но в то же время новое сладкое, непостижимое чувство переполняло меня с верхом, закружив как вихрем мою непокорную голову. Нет только не сейчас, подумал я, сейчас взлёт и никаких сантиментов. И подумав так, я до упора сдвинул вперёд сектор газа. С рёвом пришпоренного коня мой боевой ИЛ мчался по взлётной полосе, рывками ускоряя свой бег, завихряя позади себя ураганный ветер... Ручку на себя и земля вмиг провалилась, кромки сосен помахали нам вслед своими раскидистыми лапами, земля широко раскачивалась открывая горизонт. Мчался, мчался стремительно назад тамбовский лес, отлетая прожитой жизнью. Прощай Тоня, беззвучно шептали мои губы. Чёрной молнией излучая гром на всю округу пронёсся мой ИЛ над лагерем Народной Армии и бойцы гурьбой выскакивали из своих землянок провожали нас своими взглядами. Чёрная тень, размазанная скоростью проносится в 100 метрах над лесом, сметая снег с вершин прямо на головы наблюдателям. Это я летел окрылённый сладким поцелуем... Мотор нахально ревел на номинальном режиме бескультурно оглашая окрестности свои рёвом до самого горизонта. Серым пятном наплывала Осиновка и я приглядевшись тут же заметил сигнальные костры обозначившие аэродром «подскока», совсем рядом с железнодорожной веткой. Молодец Сергей, успел к сроку! Я повернул голову к кабине стрелка и увидел милую головку с золотом пышных волос, волнующихся на ветру как поле

пшеницы (зачем Настя сняла шлемофон Сергея? – подумал я, а впрочем, он же летний и совсем не греет). Я улыбнулся и прошептал сам себе «всё будет у нас хорошо»... Примеряясь к ветру и посадочной полосе, я резко запрокинул ИЛ в крутой вираж, высматривая посадочные знаки. Медлить нельзя, бензина в баках на пределе. Быстро в голове выполняю расчёт на посадку. Чего тут только не учитывается: высота полёта и скорость самолёта; направление и угол ветра, обороты двигателя и шаг винта; наддув нагнетателя мотора, угол снижения, вертикальная скорость снижения; сигналы финишера и собственное настроение. Всё это одновременно и в уме, руки ведь заняты... Значит, вноси поправки, и не какие попало, а предельно точные в соответствие складывающейся обстановке и очень быстро, ведь самолёт не стоит на месте. Цена ошибки обычно заканчивается либо авиационным козлом, либо аварией, либо смертью. А сегодня членом моего экипажа была очаровательная девушка, в которую я кажется, влюбился, причём по уши.

Поймать последний дюйм, вот конечная задача расчёта на посадку. Вот я уже на четвёртом развороте «коробочки», краем глаза заметил мигнувшую красным – бычьим глазом сигнальную лампочку критического остатка топлива (сила инерции качнула бензин в расходном баке). Беглый взгляд на конец полосы и что я вижу, столб чёрного дыма клубящегося над кромкой леса... Паровоз! Каратели! Гости! Смерть! Как это не, кстати, а может как раз кстати, – патроны ведь

еще есть, — целая лента и один снаряд в довесок, а вот бензина край. Точка принятия решения, левая рука двинула рычаг сектора газа вперёд. На второй круг, убираю закрылки, надо посмотреть на гостей. Набор высоты раздвинул панораму и как на картинке я увидел бронепоезд, с красной звездой на тупорылом паровозе... Бронепоезд карателей! Этот смертоносный бронепоезд на всех парах мчится к Осиновке. Решение принял мгновенно: «Если не я, то кто же», да и заправка бензином тогда отменяется, да и наши жизни с Настей под большим вопросом, даже если сядем. Самолёт без топлива на земле отличная мишень. К своей великой радости заметил огоньки на концах орудий бронепоезда, — значит, уже начинают свой смертоносный обстрел. Стреляют, однако, навесным огнём по партизанскому лесу, не дай бог газовыми снарядами. Ну, всё ребята, вы меня совсем не видите через свои щели — ну как слепые в бане. Я хищно ощерился, ощущая волну охотничьего азарта. Бензин моя кровь на нуле! Плохо! Но это потом! Пальцем срываю скобу стрельбы на рукоятке штурвала.левой рукой надвинул на глаза полётные очки *«бабочка»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.